

Владимир Михайлов

Завет Сургана

«Автор»

2002

Михайлов В. Д.

Завет Сургана / В. Д. Михайлов — «Автор», 2002

На далекой планете Кви́ро многие сотни лет идут нескончаемые войны между двумя народами. Так уж сложилось. Улкасы – дикие горцы, но они умеют воевать и не намерены проигрывать. Свиры – цивилизованная нация, владеющая высокими технологиями. Эти даже умеют регулировать рождаемость, и к периодам войн у них запрограммированно рождается больше мальчиков. А причину для войны найти несложно...

© Михайлов В. Д., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Глава 1. ДЕВУШКА ПО ИМЕНИ ОНГО	5
Глава 2. СОЛДАТ ОНГО РУ	33
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Владимир МИХАЙЛОВ

ЗАВЕТ СУРГАНА

Глава 1. ДЕВУШКА ПО ИМЕНИ ОНГО

Онго изнемогала.

Все было ново, неожиданно, сперва тяжело и стыдно, а потом – прекрасно, так, что она уже не понимала, как могла до сих пор жить без этого. Нет, она много слышала об этом, конечно, читала – и сухие учебники, и страстные романы, и думала, что хотя бы теоретически ко всему готова, – вот оказалось, что, дожив до двадцати лет, ровно ничего в этом не смыслила. Получается, все эти годы она прожила в другом мире, плоском и сером, и только сейчас поняла вдруг, что он – мир свиров на планете Кви́ро – на самом деле расцвечен невысказанными красками и настолько глубок, что в него можно погружаться, наверное, всю жизнь – и так и не достигнуть дна. Во всяком случае именно в этом она убеждала себя сейчас.

Потому что именно этого она хотела – и в конце концов ей удалось добиться от Сури того, что желалось; он-то, наверное, был бы согласен еще долго целоваться – но не более. Хотя те шесть лет, что они были знакомы и дружны, паренек старался изобразить из себя многоопытного мужчину, для которого в отношениях с женщинами нет закрытых уголков, все давно испытано, пережито и наскучило. И Онго ему верила, лишь удивляясь его сдержанности, когда они (не раз уже) оказывались близ опасной грани. Но теперь вдруг поняла: да врал он все, притворялся, напускал на себя, считая, наверное, что без этого не произведет на нее нужного впечатления. А сейчас волновался не меньше, чем она, а боялся даже больше – у мужчин, как она знала из теории, почему-то что-то может не получаться, и он, похоже, не был в себе уверен – именно потому, что опыта-то как раз и не было. А может, просто таким был его характер.

Хотя сперва действительно могло показаться, что он выполняет не однажды уже совершавшиеся действия. На крохотной – в два роста в поперечнике – проплешине в густой чаще, куда они укрылись от всего мира, потому что, встретившись сегодня, Онго решила (в отличие от всех предыдущих встреч, которых за эти годы набралось невесть сколько), что вот сегодня это наконец произойдет.

Как если бы некто неведомый все время сдерживал ее, и она позволяла Сури вдруг убрать руки, а то и просто внезапно попрощаться и без обиды расстаться дня на три, – а сегодня вдруг таинственно шепнул: "Теперь пора. Можно. Нужно!" И они пошли к этому, давно облюбованному для уединений местечку – сначала медленно, потом все убыстряя шаг, а уже совсем приблизившись, вдруг словно испугались и почти остановились, еле передвигая ноги. Онго все крепче держала Сури за руку, будто боясь, что вот-вот он вдруг повернется и побежит прочь, и уже странная истома все глубже проникала в тело, как бы непонятная ломота, легкая и приятная, и напряжение дивным образом соседствовало с расслаблением, а дыхание все учащалось. Онго еще продолжала верить, что Сури все знает и умеет, и, когда он, первым опустившись на сухую траву, неуверенно притянул ее к себе, испугалась, что он будет груб – так блестели его глаза; лишь позже она поняла: то была смесь азарта и нерешительности, он заставлял себя поступать по-мужски – и боялся этого. Чтобы не разрушить всего, она шепнула ему на ухо: "Полежим просто так, а то я боюсь", – хотя на деле страшилась меньше, чем он, зато интерес в ней все рос и рос. Они лежали рядом, может, минут десять, но ей показалось, что очень долго; наконец, она почувствовала своей грудью его руку – сперва через ткань, потом пальцы коснулись кожи, потом вся ладонь. Онго не противилась, напротив, подвинулась так, чтобы ему удобнее было действовать и второй рукой, – однако же инстинктивно сжала колени крепче. Его руки изучали ее медленно, переходя все ниже; потом одна рука оказалась на ее колене

(Онго специально надела юбочку вместо привычных брюк) и неуверенно поползла выше, выше. Что-то заставило ее просить его не делать этого, ничего, ничего не делать. Он тоже говорил что-то – неумолчно, лихорадочно, она не пыталась понять смысл, да его, вернее всего, и не было. Она повторяла: "Не надо, не надо" – сама же тем временем помогала ему освободить ее от того немногого, что было в этот жаркий день на ней. Наконец рука его остановилась; Сури дышал, как марафонист, дрожал, и, хотя она не пыталась больше изображать ритуальное сопротивление, он не сразу сделал то, чего они оба хотели. Первое впечатление оказалось разочаровывающим; но (подумалось в каком-то тумане), может, дальше будет лучше?.. Дальнейшее последовало почти сразу: оба они были юны, крепки и голодны, так что пот не успел высохнуть, как они уже соединились снова. Ну, что же, успела подумать она, девушки по-опытнее говорили, что ко многим такое ощущение вообще не приходило, сколько бы они этим ни занимались, но и те, которым везло, начинали испытывать настоящее удовольствие далеко не сразу. Нет, у нее все будет прекрасно, иначе и быть не может. А у него, похоже, все хорошо:

Сури как бы сразу повзрослел, на лице его возникло необычное для него (как и для большинства свирских мужчин вообще; лица их чаще всего выражали озабоченность жизнью и страх перед ее сложностями) выражение гордости и силы, так что она поверила, очнувшись, что за его спиной она всегда будет чувствовать себя спокойно. Хотя ей и было известно, что на мужчин Свиры особо полагаться не приходится, но ведь то речь шла о других, а этот был – ее, и уже по одному этому он не мог быть похожим на прочих...

И действительно, трое, как раз в это время собравшиеся в большом и богато обставленном кабинете, на Сури никак не походили.

Его, кстати, в это помещение никогда и не пропустили бы, даже если бы у него возникло такое нелепое желание. Двое постовых остановили бы его (да и любого неизвестного) еще в воротах и потребовали бы предъявить пропуск или иной документ, подтверждающий его право на вход: нечто вроде приглашения, хотя называлась бы бумажка несколько иначе. Потом его проверили бы на входе – и не только на наличие документа, но и на отсутствие предметов, запрещенных ко вносу в этот обширный дом. Но даже и пройдя контроль, он никак не ушел бы дальше дежурного, постоянно находившегося тут же по соседству; там его дотошно расспросили бы о целях его визита и – если бы мотивы его показались уважительными – направили бы к нужному работнику; но ни в коем случае не в тот кабинет, в котором собрались трое весьма достойных свирских мужчин.

Один из них – хозяин – для этого разговора надел штатское, хотя обычно носил то, что было ему положено по должности и званию. Для других двоих гражданский костюм был естественным и в этом доме, а вернее, в комплексе больших и малых зданий, расположившихся в разных местах большого земельного участка на северной окраине Сурганы; как всем известно, именно это славное имя носит столица Свиры, великого (и единственного равнинного) государства на Квири. В этом своего рода городе в городе два собеседника не имели личных кабинетов, да и бывали здесь нечасто – лишь по очень серьезным поводам. У них с приглашениями все всегда было в порядке, и встречали их, начиная от ворот, не только доброжелательно, но даже, пожалуй, почтительно. Сказанное заставляет предположить, что причина для встречи и на этот раз была достаточно значительной.

Трое сидели за круглым столом, отнюдь не пустым. Однако и избранные напитки, и деликатесные закуски, помещавшиеся на зеркально полированном диске из драгоценного дерева нуш, не пользовались вниманием присутствующих; все они, не отрываясь, смотрели на матовое табло кабинетного хронометра, цифры на котором в строгом ритме сменяли друг друга. Это было похоже на предновогоднее ожидание, когда до смены дат остается все меньше минут – хотя присутствующий тут же календарь указывал, что, на дворе середина года, но никак не конец его и не начало следующего. И тем не менее что-то в этом ожидании было такое...

– Ну, что же, – сказал хозяин кабинета. – Пожалуй, можно и налить.

И собственноручно наполнил высокие, звонкие бокалы вином, вспенившимся, как океанский прибой.

– Думаю, не ошибусь, – продолжил он, когда каждый бокал нашел своего собеседника, – если скажу: начинается новая эра. Через двенадцать... Шесть...

Три... Орро!

– Орро! – негромко отозвались двое: и тот, что был постарше, пониже ростом и плотнее телосложением, и второй – спортивного вида, хотя и с бородкой, скорее похожей на недельную щетину. И все трое согласно выпили. К закускам не притронулись: предпочли разговор.

– Сколько времени займет реализация соглашения после создания нужных условий? – спросил тот, что был постарше.

– Завезти – я завез все, что требовалось, – ответил хозяин кабинета. – Условия, полагаю, удастся создать за месяц-полтора. А остальное уже будет зависеть от вас.

– Если обеспечите безопасность... – проговорил молодой.

– Все меры приняты, – сказал хозяин, слегка усмехнувшись.

– Тогда справимся за месяц – если не будет никаких сбоев в планах.

Хозяин кабинета улыбнулся:

– Если уж ничего не случилось до сих пор, то сейчас, когда заговорило оружие, сбои представляются мне невозможными. Дублер работает исключительно добросовестно, подобраны три смены, которые я назвал бы сверхнадежными: лучшие из специалистов нашей службы. В их числе – бывшие операторы ГПК, для которых это по сложности всего лишь повседневная работа.

– А как насчет утечки информации – через них хотя бы?

– В перерывах между вахтами все смены будут находиться в изоляции – на наших базах. Можете не волноваться.

– Как по-вашему, – спросил молодой, – удастся нам уложиться в те сроки, что мы приняли?

– Думаю, – ответил хозяин, – даже этого времени не потребуется. Фактор внезапности. И – Свира не готова: сегодня у нее слишком мало агролита для техники, да и нет такого количества солдат, чтобы защитить хотя бы клин Ком Сот. Все обстоит именно так, как нужно.

– Интересно... – проговорил старший после паузы, – что сейчас происходит?

– Там – передовые группы спустились в предгорья и сбивают пограничные посты, чтобы подготовить выход больших сил на оперативный простор, на равнину – там, где это предусмотрено, и только там.

– Вы уверены, что Арбарам не нарушит договоренности?

– Это не в его интересах, – опроверг молодой. – Так он получит больше, чем в любом другом варианте. А считать он умеет не хуже нас с вами.

– Да и как и что он может нарушить? – подхватил хозяин. – Поскольку операция проводится вне циклического графика, у него не так много сил, чтобы предпринять что-то еще. Нет, оборона на всех участках и решительный натиск там, где нужно: клин Ком Сот – вот его поле битвы. Нет, Арбарам не подведет.

Надеюсь, что и вы... Я ведь тоже умею считать.

Три секунды прошли в неловком молчании. Потом молодой сказал:

– Все, о чем мы договаривались, будет сделано. У вас не найдется поводов для обиды.

– Это самое малое, – уточнил старший. – Изменения могут быть только в сторону плюса, и никак иначе.

– Приятно слышать, – сказал хозяин. Молодой усмехнулся:

– Вы не знаете, сколько взяли виндоры за остров Кукурей?

– Адро, – строго сказал старший. – Мне кажется, эта тема неуместна в нынешнем контексте.

– Да, конечно, – поспешно согласился Адро. – Прошу извинить. Как вы думаете, когда здесь будет объявлено о начале событий?

– Думаю, – ответил хозяин сухо, – не позже чем через пять минут. И сразу же пойдет загрузка соответствующей программы в ГПК.

– По-видимому, нам пришло время возвращаться к своим делам, – сказал старший. Он встал. – Благодарю вас за прием, директор.

– Весьма признателен, – наклонил голову Адро. Директор улыбнулся и тоже поднялся.

И замер:

– Слышите? Слышите?

Даже в этот кабинет, с его совершенной звукоизоляцией, пробился странный звук.

– Сирены, – сказал старший. – Узнаю их вой. Итак, началось. Слава Творцу.

– Слава Творцу, – подтвердили остальные.

Всегда Сури будет принадлежать ей. Потому что уже не было сомнений в том, что они не расстанутся более никогда. Никому не под силу будет их разъединить...

Подумав так, она раскрыла глаза. Сури дремал рядом, спокойно и глубоко дыша. Она что-то услышала? Или почудилось? Онго приподнялась на локте.

Прислушалась. Вокруг них было тихо. Но там, дальше, в городе...

Не было сомнений: в городе кричали тревожные сирены. Много. Очень много. Это не авария. Не пожар. Об урагане или наводнении и речи нет: они тут почувствовали бы стихию первыми и, возможно, стали бы ее первыми жертвами.

Что-то серьезное. Может, даже страшное. Может быть...

Поспешно одеваясь, она потянула Сури за руку:

– Вставай! Слышишь? Что-то случилось.

Он поднял веки. Улыбнулся. От этой улыбки у нее всегда начинало сбивать дыхание.

– Я люблю тебя! – сказал он вместо того, чтобы спросить, что случилось.

– Навсегда.

– И я люблю тебя, – ответила она. – На всю жизнь... и потом тоже.

В конце концов именно это было главным сейчас. А остальное как-нибудь уладится само собой. Да и вообще: что могло случиться?

– Может, война? – нерешительно предположила Онго.

Но Сури отверг такую возможность сразу же:

– Вот еще! Все знают: впереди – еще двадцать лет спокойного Завершения.

Рождаются ведь почти только девочки. Значит, на верхах уверены в Прогнозе. Мы на ГПК всегда в курсе событий. – И, чувствуя, что это не очень убедило Онго, добавил:

– А уж если бояться, то это мне надо бы: тебе-то воевать не придется, хоть бы что. Да и меня в окопы не пошлют: у нас сейчас недочет в операторах, сразу дюжина людей ушла в отпуска: все те, кто работает от ССС; у них там свои графики. Онго кивнула: она знала это.

"Жена же да не прикоснется к оружию никогда, даже и ради спасения жизни, своей ли, отца или матери, дитяти ли, мужа или иной – ибо сотворена есть лишь для продолжения и умножения рода, и расширения его, и благоденствия, но ни для чего более, ибо сама она есть жизнь и несение смерти противно природе ея".

Именно так гласит Двенадцатый от начала среди "Заветов Сургана Великого"; любопытствующий может с легкостью найти этот текст в названном основополагающем, воистину священном для свиров Откровении. Точнее – в книге "Огонь", главе первой. Слова Сургана передавались из поколения в поколение без малейших искажений и благополучно дошли до нашего времени, хотя само Откровение относится к 208 году до эры Левого Плеча, а нас от этого периода отделяет вся целиком эра Левого Бедрa, то есть круглых два тысячелетия, и еще сто сорок шесть лет нашей эры, носящей название Левого Ступни. Времени, как видите, прошло

немало; но и нынче именно на Откровении основаны мысли, чувства и вся жизнь тех, о ком идет рассказ.

Двенадцатый – не единственный из ста сорока четырех Заветов, чей названный выше автор, возможно, существовал в действительности, а может быть, и нет (но кого это интересует?), Заповедей, благодаря которым тогдашние дикари смогли осознать свою общность, прийти к единообразию понимания слов, мыслей и вещей и в конечном итоге создать цивилизацию свиров, Великую, Процветающую, Необоримую и Единственно Правильную (последние слова являются, впрочем, всего лишь официальной формулой, известной каждому с малолетства и давно уже воспринимаемой просто как знак, не имеющий реального смысла). Из ста сорока четырех Заветов Сургана (двенадцать дюжин – число, как известно, дважды священное) процитированный выше – не единственный, сохраняющий силу и поныне, но, быть может, ни один другой не оказал такого влияния на все развитие мира Свиров.

Конечно, все могло бы получиться иначе – если бы, к примеру, свирь были единственной общностью – или, по-современному, нацией, населяющей Квиру. Увы!

Они не были ни самой древней, ни самой многочисленной, хотя не исключено, что оказались нацией самой продвинутой в деле Завершения – может, потому, что ни виндоры, сиречь народ вод и побережий, ни улкасы, нация гор и ущелий, самой идеи Завершения вообще не признавали, и Установления Сургана почитали просто выдумкой тронутого старца – более обидных определений приводить не станем из соображений приличия. И это несоответствие убеждений не раз приводило, как и всегда в подобных случаях, к великому множеству неприятностей.

Три нации сложились весьма давно. В незапятнанные времена, когда единственным разумом в мире был разум самого Творца, обе материковые платформы, существовавшие в Великом Океане, медленно, но упорно сближаясь, слились воедино. Это, естественно, не обошлось без образования на линии соприкосновения материков целой горной страны; вскоре (по меркам вечности, разумеется) восточная платформа, которая изначально была гораздо ниже западной, вообще ушла под воду, поскольку уровень Единого Океана повысился из-за таяния полярных льдов. О возникновении мыслящей жизни существует несколько гипотез, однако официально признанной является горная теория, согласно которой человек был создан именно в горах, поскольку там условия для жизни были в те времена наиболее благоприятными: бескрайняя равнина изнывала от великой жары, так что стекавшие с гор реки быстро высыхали, терялись в песках, покрывавших почти всю равнину, и ни одна не добиралась тогда до Океана. Прошли неслыханные тысячелетия, пока температура не опустилась до пригодной для жизни; тогда и начался постепенный сход с гор, где слишком уж тесно стало: территорий, пригодных для обитания там, как и в любой горной стране, было не так уж много.

Считается, что сход на равнину произошел двумя волнами с промежутком примерно в тысячелетие; первая волна, называемая также Ранней, пересекла равнину, все еще горячую и душную, и стала постепенно заселять побережье, где дыхание Океана делало жизнь куда более удобной, а также постепенно и острова, большая часть которых являлась наиболее высокими местами затонувшей платформы. Земля еще с трудом поддавалась возделыванию, хотя в горах оно уже существовало, и люди первой волны местом своей деятельности волей-неволей избрали Океан, тогда уже густо населенный рыбами, моллюсками и прочей пеллагической живностью. Так было положено начало общности вин-доров. Вторая волна, Поздняя, нашла равнину уже пригодной для обитания; люди шли за водой, а к тому времени главные реки уже проложили свои русла. Правда, жизнь на равнине еще долго требовала от людей приложения больших усилий, чем существование на побережье и даже в горах; видимо, это и привело к тому, что технологии начали развиваться именно на равнине, у общности, называвшей себя свирами, что на праязыке означало как сам простор, так и его обитателей. При взгляде извне существующий материк очертаниями более всего походил на лежащую в экваториальном поясе

восьмерку, или, если угодно, знак бесконечности, ориентированный с востока на запад – с той только разницей, что у знака этого обе петли равновелики, здесь же восточная, занятая горной страной, размерами значительно уступала западной, равнинной; перешеек между обоими субконтинентами был достаточно узким: примерно шестьсот выстрелов, или (в пересчете на привычные читателю меры) триста с небольшим километров, если мерить по прямой; на деле линия, конечно, прямой не была – следуя за рельефом, она скорее походила на синусоиду, так что на самом деле была более чем вдвое длиннее. Шла она в основном по предгорьям, деля их пополам – почти поровну. Именно по этой линии только и могли происходить и на самом деле происходили всякого рода соприкосновения между людьми гор и равнины – вооруженные в том числе. Без них дело никак не обходилось – по причинам изредка экономическим, а главным образом политическим. Политика же здесь была целиком замешана на идеологии.

Идея Завершения, впервые сформулированная тем же Сурганом по наитию свыше, заключалась в том, что Творец, занявшись созданием Вселенной и доведя его до Человека, решил, что сделано уже достаточно; нет, это ни в коем случае не означало, что Господь почел свое творение совершенным; это значило лишь (по Сургану), что он довел свою работу до уровня, на котором Вселенная могла уже совершенствоваться дальше без его участия, своими силами: именно для этого и был сделан Человек. Из этого постулата (второй по счету из Заветов) мог следовать только один вывод: целью и смыслом людского бытия должно и могло быть только дальнейшее совершенствование Мира человеческими руками – вплоть до полного его совершенства, а когда оно наступит, Творец даст понять это каким-либо из бесконечного количества доступных ему способов. Вот на чем объединились жители равнин, нынешние свiry, вот чем они занимались на всем протяжении своей истории – и, быть может, к нынешней поре если еще и не достигли полного совершенства, то, во всяком случае, продвинулись бы намного дальше, если бы только им все это долгое время не старались помешать, и на самом деле изрядно мешали.

Дело в том, что улкасы, например, свое мировоззрение основывали на совершенно иной идее. По их убеждению. Создатель сотворил мир именно таким, каким ему и следовало быть и оставаться до той поры, пока Господу не заблагорассудится поступить с ним как-нибудь иначе. Человек же, по их мнению, был поселен на Кви́ро в качестве как бы сторожа, чтобы не допускать никаких нарушений Божественного проекта, а если такие угрозы возникнут – пресекать их любыми средствами. Иными словами, улкасы стояли на противоположных свирам позициях.

Что же касается виндоров, то они вообще себя теологическими и философскими проблемами не очень затрудняли – скорее всего потому, что весьма суровые условия жизни на воде и побережье не позволяли отвлекаться на теоретические размышления: тут каждая пара рук всегда была на счету. Их мировоззрение было скорее стихийным, его никто не проповедовал, а заключалось оно в том, что Господин и распорядитель всего в мире обитает, понятно, в океане, так что в жизни всякая обширная суша – вещь излишняя, поскольку на ней не водятся ни рыба, ни морской зверь; поэтому если в один прекрасный день все горы и равнины возьмут да исчезнут, оставив только узкие побережья, атоллы с лагунами и множество архипелагов, ни один виндор даже не почешется. Правда, наиболее дальновидные из них (в основном старцы, которым уже не под силу было регулярно выходить в море) делали оговорку: суши должно было остаться столько, чтобы растущего на ней леса хватало бы для сохранения и даже расширения флота – но уж никак не более. Вот причина, по которой для рыбоедов и свiry, и улкасы были равно чужими, виндоры в их игры не играли; но в какой-то, пусть и небольшой степени они симпатизировали скорее обитателям равнин, потому что какой-то, пусть и не очень продуктивный, обмен между этими нациями существовал, кое-какие достижения свирской технологии проникали и на побережье – пластиковые лодки, например, синтетические тросы и тралы, двигатели внутреннего сгорания и тому подобное. Свiry даже наладили добычу нефти на нескольких крупных островах, находящихся под виндорской юрисдикцией. В каче-

стве возмещения за такого рода товары и услуги моряки платили рыбой и прочей морской продукцией, а также при необходимости помогали транспортом – поскольку береговые линии на Квиросе были изрезаны достаточно причудливо и порой из одного края суши в другой, вроде бы и недалекий, сухопутьем добираться пришлось бы дня три (так как проехать прямо мешал горный клин, где так и кишели злобные улкасы), а водой доезжали за полдня, самое большее. Однако в случае чего рассчитывать на помощь виндоров, даже и пассивную, не приходилось, и все это отлично знали.

Но они хотя бы не мешали. А вот улкасы только этим и занимались. По сути дела, состояние необъявленной войны не прекращалось вот уже несколько столетий: приграничные стычки, набеги, диверсии, пленения и так далее. Кому-то, конечно, может показаться, что силы противоборствующих сторон не могли быть соизмеримыми: технологичные свирсы обладали всегда самым современным в этом мире оружием, а что могли им противопоставить улкасы? Пращи, луки со стрелами, копья да дубины? Ну, еще, конечно, дикарское хитроумие, не так ли? Не так, в том-то и дело. Упорно оставаясь при своих взглядах о недопустимости любого искажения учрежденного Создателем порядка, улкасы вовсе не отказывались от использования того же более чем современного оружия: они ведь его не изготовляли? Значит, и не виндоваты были перед Создателем; а по поводу его применения никаких запретов не существовало. Откуда улкасы брали это оружие? Вопрос по меньшей мере наивный: одну часть его (скажем прямо – меньшую) они добывали в бою (если можно так назвать лесные засады и ночные набеги на пограничные посты свиров), остальную же – благодаря тому, что даже самое четкое мировоззрение, самые твердые убеждения и самый горячий патриотизм далеко не всегда способны выстоять в единоборстве с прямой, чистой и очень немалой выгодой, которая возникает, когда вы продаете неизвестно кому оружие, каким-то образом к вам попавшее. Вам хочется думать, что вы продали его вполне порядочным людям, которые, во всяком случае, никак не были похожи на улка-сов – таких, какими их рисуют; да и кроме того – что такое порядочность на языке точных наук? Да ничто, оно начинает приобретать конкретные очертания, только когда вы пытаетесь выразить его при помощи цифр. А следовательно, чем больше нулей справа от единицы вы видите перед собой, тем выше порядочность человека, предлагающего такую сумму.

Непорядочные – это те, кто уменьшает ваше благосостояние, и наоборот.

Патриотизм, как правило, возрастает прямо пропорционально росту вашего банковского счета. Пусть даже этот счет изрядно подрос благодаря продаже чего угодно кому угодно: раз вы, получив прибыль, ощутили новый прилив патриотизма – значит, прокрученная вами операция имеет право на всяческое одобрение любого гражданина и любой инстанции, включая хотя бы и Верховный суд. Полагаю, что и вы сами рассуждаете точно так же.

Впрочем, речь тут не о вас, а о тех свирах (искренне надеюсь, что их не так уж много), благодаря содействию которых улкасы получали все новое вооружение одновременно, а порой даже и чуть раньше, чем армия свиров. Конечно, тут надо оговориться: мы имеем в виду преимущественно стрелковое оружие, легкое и тяжелое; броневой техники у горцев было мало, да и та на ладан дышала, ракет и авиации вовсе не было. И тем не менее... даже танки не всегда побеждают в схватке с фанатизмом, беззаветностью и твердым характером.

Конечно, все названные качества тоже являются расходуемым материалом, как топливо или боеприпасы, и устает не только металл, но и люди; чем интенсивнее был расход, тем больше времени нужно для восстановления запасов даже и столь убежденным и воинственным людям, как улкасы. Поэтому за многие столетия отношения между ними и свирами приняли весьма определенный циклический характер, и можно было с немалой долей вероятности определять: вот сейчас начался период отката и восстановления, вот он кончился и настала пора некоторого расслабления, вот на смену ему возникло время накопления, вот оно уже приближается

к своему пику (к пику формы – сказал бы спортсмен), а значит, пора объявлять мобилизацию и окончательно уточнять, с какой стороны следует на этот раз ожидать первого удара.

Единственно, что все это время работало на полную мощность, – это, естественно, разведка и контрразведка, объединенные в Свире в одну Секретную Службу, во главе которой стоял многоопытный верком – верховный командир – Гумо.

ОСС (так именовалась Служба в сокращении) и должна была подать своевременно нужный сигнал.

Эта контора была набита лучшими мозгами, какие только существовали на равнине, и уже от ОСС власть получала рекомендации для ведения реальной политики – на год, три, десять, двадцать, иногда даже до сорока. Тут учитывалось и вносилось в Главный Правительствующий Компьютер (ГПК) все, начиная с активности Светила, долговременных прогнозов погоды, ожидаемых и на равнине и в горах, урожаев и стихийных бедствий, – перечислять можно практически без конца. И, надо сказать, за последние лет этак двести серьезных ошибок ОСС не совершала, и в нее уже стали верить едва ли меньше, чем в Заветы.

Двадцать лет благоденствия – так ведь сказал Сури, вы не забыли?

– Двадцать лет благоденствия! – тихо проговорил Мору, нынешний Вершитель Свиры. Тихо-тихо сказал он это, едва уловимо уже в шаге расстояния – но все, кто находился в то время в Зале Решений, невольно ощутили волнение, очень похожее на страх; всем давно было известно (а Мору был Водителем уже одиннадцать лет), что чем тише его голос – тем выше давление в клокочущем котле его гнева, а в гневе Мору бывал непредсказуем и крут в действиях. – Двадцать лет! Где же они? Кто отменил их, кто похитил или хотя бы кто решился допустить ошибку в прогнозировании такую ошибку? Кто своей ленью, неумением или просто рассеянностью поставил судьбу Свиры на край гибели? Кто двадцать лет тому назад направил страну по неверному, губительному пути? Верком Гумо, я жду, мы все ждем ответа: кто? Народ верил вам, не сомневаясь ни в едином слове, – как же получилось, что вы не оправдали доверия, пренебрегли им? Отвечайте! Чтобы мы знали, что сказать людям, которые ждут совсем иного.

Верком Гумо, начальник ОСС, медленно встал, отодвинув тяжелый старинный стул и даже не почувствовав его веса. Наверное, он волновался, однако лицо его оставалось спокойным.

– Вершитель, – сказал он не тихо и не громко, своим обычным голосом, как будто разговор шел о пустяках. – Сейчас среди нас нет ни одного из тех, кто участвовал в разработке политики двадцатью годами ранее. Все-таки немало времени прошло. Конечно, можно найти стариков и спросить с них; но кому это нужно и чем поможет? Я же могу сказать со всей ответственностью: тогда в оценке положения не было сделано ошибок, тенденции развития намечены правильно, все сколько-нибудь значительные влияния внешних и внутренних факторов учтены, и год за годом – все двадцать лет после окончания предыдущей войны – все развивалось именно так, как мы и предполагали, без сколько-нибудь заметных отклонений. Мне не в чем упрекнуть кого бы то ни было – из тех, кто был и кто работает в Службе сейчас.

– Но никакая война не начинается без соответствующей подготовки, – настаивал Вершитель. – В таком случае ваши люди – здесь и в горах – чего-то не заметили или не оценили по достоинству. Возможно, в вашей агентуре или даже в центре Службы завелись "кроты"?

Верком Гумо позволил себе изобразить намек на улыбку – улыбку матерого специалиста, полемизирующего с заносчивым профаном.

– Наша агентура может выйти из строя только вместе со всей планетой, Вершитель. С каждым годом она становится мощнее и надежнее. Я готов лично ответить за всякий бит информации, за любую операцию и за каждый из ста процентов достоверности того, что сообщают мои люди.

Кажется, его уверенность все же заставила Вершителя усмирить эмоции и обратиться к сухому и столь нужному сейчас рассудку.

– В таком случае как вы объясните происходящее? Вернемся к истоку – хотя бы на эти же двадцать лет назад. Полагаю, вы достаточно хорошо помните ту обстановку?

Онго шла домой, не очень замечая происходящего вокруг, целиком погрузившись в то, что творилось в ней самой, в новые ощущения и переживания.

Они расстались с Сури еще на окраине; непонятно почему, ей вдруг не захотелось показываться вместе с ним на улицах, хотя прежде он провожал ее до самого дома; ей казалось, что случившееся между ними было отчетливо написано на их лицах, и любой встречный, едва глянув на них, догадается и нехорошо ухмыльнется; а кроме того, Онго не нравилось, как выглядел сейчас ее – кто же, собственно? Теперь уже не просто приятель, дружок, но и не муж еще, разумеется, – хотя она с самого начала была уверена, что в ближайшем будущем так оно и получится (почему-то не было сомнений, что не только ее родители согласятся, но и его – что на самом деле было достаточно проблематично), – ее любовник (это слово ей казалось неприличным, но именно оно, что ни говори, точнее всего отвечало свирским понятиям) нес на физиономии такое гордое выражение, словно был первым человеком на планете, совершившим подобное; ей это казалось глупым. Вот поэтому Онго и предложила ему добираться другим маршрутом и пошла домой в одиночку, совершенно независимой походкой – однако опасаясь поднимать глаза на встречающих.

Она шла, все убыстряя шаг, стремясь поскорее укрыться в своих четырех стенах и уже там попытаться осмыслить: этого ли она хотела, довольна ли тем, что произошло, и вправду ли мир после этого стал другим, или все это просто пустые разговоры.

Оказавшись, наконец, дома, Онго решила, что мир все-таки остался прежним. Во всяком случае, дома не изменилось совершенно ничего – так заключила она, медленно поворачиваясь под хлесткими струями душа и таким образом окончательно приходя в себя. А крепко растеревшись жестким полотенцем, решила, что случившимся, в общем, довольна: когда-то это ведь Должно было произойти.

Выражение гордости на лице Сури, так не нравившееся ей на улице, теперь стало казаться трогательно-смешным (все-таки он совсем еще мальчишка, но хороший мальчишка, любимый мальчишка, ее навсегда!). И она почувствовала вдруг, что необходимо сию же минуту позвонить ему, чтобы еще раз услышать, как он ее любит и как ему не терпится снова и снова пережить то, что уже было. Поэтому вместо того, чтобы заняться обедом, Онго вышла в прихожую, в дальнем углу которой на маленьком столике стоял телефон; семья, к которой принадлежала Онго, придерживалась консервативных взглядов, и более современных аппаратов связи в доме не было – похоже, право обзавестись ими предоставлялось новому поколению, когда оно станет взрослым, разумеется, пока же Онго по-прежнему считалась ребенком независимо от того, что она сама об этом думала.

Итак, она подошла к телефону – и только сейчас увидела на столике, рядом с аппаратом, продолговатый конверт формата большего, чем обычный, что использовался для переписки между гражданами: казенный пакет, иными словами...

Да, каждый помнил обстановку такой давности, каждый. Все в этом зале – кроме разве что одного из представителей промышленно-финансовых кругов Свиры по имени Адро – были людьми не самого юного возраста.

Двадцать лет тому назад был пройден очередной пик Схватки Убеждений, или, проще, еще одной попытки нашествия улкасов с целью уничтожения цивилизации – так это называлось в Свири официально, а в просторечии это событие носило название Сто восьмой войны; ровно столько прошло их с начала веков.

Как и обычно, нашествие тогда случилось не вдруг; разведка заблаговременно сообщала: сначала – о хорошем урожае в Горном мире, прекрасном травостое на полях и лугах на высоких плато и пологих склонах, а также в той части предгорий, что искони принадлежала улкасам; это всегда было необходимой предпосылкой войны, для которой хлеб и мясо нужны больше, пожа-

луй, чем все остальное. Совпала и вторая составляющая угрозы: не просто хороший, а отличный урожай на обширных равнинах Свиры. Наступающие ведь рассчитывают снабжать войска за счет захваченных территорий, а для этого нужно, чтобы на этих территориях что-то было. Тогда так все и сложилось. Дальше развитие шло по уже хорошо известной схеме: военные праздники в селениях и городках улкасов, в каждой долине, за каждым хребтом; рост фанатизма, появление множества проповедников, призывающих к строгому соблюдению и выполнению предписаний Создателя; погром и уничтожение тех немногих продуктов технологической цивилизации, которые каким-то образом оказывались в распоряжении улкасов (прежде всего средства транспорта и гипертроники); затем – обязательно – какая-то катастрофа, пусть и природная, но которую можно при желании приписать влиянию технологий соседней страны; все более массовые сходки населения – преимущественно молодого, и парней и девушек, – поскольку законы улкасов вовсе не запрещали женщинам участие в военных действиях, в этом отношении у них издавна существовало полное равенство; ну и, наконец, эти сходки как-то сразу, словно по мановению руки, превращались в подразделения, подразделения сводились в части – и безо всякой задержки, на пике воодушевления все это приходило в движение и устремлялось на цивилизованные города и фермы свиров, на их академии, институты и лаборатории, школы, стадионы, городки отдыха, но прежде всего, конечно, – на промышленные и сырьевые районы, где, собственно, и было ядро цивилизации, ее суть.

Их, естественно, уже ждали в полной готовности. Потому что тогда – двадцать лет тому назад – армия была еще армией, мужчины – мужчинами. Сто восьмая регулярная война как бы повторяла те, что велись десятилетия и столетия назад: сила на силу, масса на массу, фронт на фронт. Тогда, как и раньше, горцы устремились на равнины сразу по всей общей границе между странами, по всей линии схода – так называлась эта условная синусоида между двумя океанскими заливами.

Такая война, когда хорошо обученные профессиональные войска гонялись за увертливыми налетчиками, продолжалась обычно с год, плюс-минус пару месяцев.

Потом боевой запал улкасов начинал таять, да и потери все же сказывались, а главное – изменялось настроение тех, кто оставался в горах: пока на равнине шла игра в прятки, аграры свиров бомбами и ракетами исправно поднимали на воздух то в горах, что попадало в прицел: городки, селения, отары вуцанов... Поначалу это делалось скорее демонстративно, объект не старались накрыть, но лишь пригрозить: уймитесь, не то... Но со временем люди зверели и громить начинали уже всерьез. Тогда даже самые рьяные воители улкасов понимали, что пришла пора антракта, и уползли в горы, хотя далеко не всем удавалось пробиться сквозь оседлавшие горные тропы патрули свиров или минные поля в предгорьях. Так заканчивалась очередная война; точно так же завершилось действие и двадцать лет тому назад, имевшее свое официальное название – Сто восьмая регулярная война.

Это у свиров; наверное, ул-касы тоже вели какой-то свой учет – но об этом они лучше знают.

Человек со стороны, пожалуй, не удержался бы от вопроса: почему бы Свири – сильному государству, обладающему, в числе прочих, и передовыми технологиями уничтожения, – раз и навсегда не поставить драчливых соседей на место, не ударить по ним всей своей мощью, чтобы отучить от скверных привычек?

Не моральные же соображения удерживали Свиру: когда речь идет о политике, и более того – о безопасности страны, такие понятия, как мораль, прекращают хождение, они хороши лишь для мирного благоденствия, да и то не всегда.

Посторонний спросил бы, да; но никому из участников Высокого Совещания это и в голову не пришло. Потому что все прекрасно знали: пытались отучить, и не раз.

Но – не получалось. Чтобы хорошо воевать в горах, надо их знать, а чтобы знать – необходимо в них родиться и жить. Мир улкасов был страной не просто горной, а высокогорной;

и к равнинам спускались вовсе не пологие, достаточно удобные для восхождения склоны, а совсем наоборот – горы заканчивались крутыми и высокими обрывами, что неудивительно, если вспомнить, какова причина горообразования.

Более или менее пригодных входов на всем протяжении Линии Сургана насчитывалось всего четыре – и все они были укреплены улкасами и бдительно охранялись.

Пригодными же эти входы являлись разве что для пехоты: никакая техника там пройти не смогла бы. Возможно, и даже наверняка, существовали и какие-то тайные тропы, по которым можно было подняться; но до сих пор их местонахождение так и не удалось установить. Люди, не последние в следопытстве, отправлявшиеся на поиски этих секретных входов в горную страну, не возвращались. Те крайне редкие случаи, когда какие-то группы удавалось забросить наверх, попадали туда лишь с неба; речь идет, разумеется, о десантах. Из четырех забросов удачным оказывался в среднем один – по закрытой статистике.

Но даже и тогда, когда высадка удавалась, это вовсе не означало благоприятного исхода. Не всякий раз стрелки могли угадать, куда же девалась та банда, которая вот только что вела яростный огонь самое малое с трех сторон; но и поняв, едва успевали десантники установить минометы или вызвать авиацию, или и то сделать и другое, и еще что-нибудь третье – как впереди оказывалось лишь пустое место, а улкасы скрывались неизвестно куда, чтобы, может, через несколько минут оказаться в тылу и вести огонь уже в спину. Невольно приходилось бросаться туда, откуда сами только что пришли, но и там никого уже не было, только тишина да острый запах перестрелки, стреляные гильзы и, если очень повезет, – в одном-двух местах пятнышки крови: значит, хоть кого-то пусть вскользь, но задело.

Никогда не понять было: где они и сколько их, на каком расстоянии, за каким сидят поворотом горной тропы, по которой и в мирные-то дни пробираешься с осторожностью, чтобы после неловкого шага не загреметь вниз, не попасть в камнепад и прочее; туземцев выручало подсознание, чутье, каким их наградили родители еще в утробе, пришлому же человеку, будь он даже хорошо тренированным солдатом, рассчитывать на успех не приходилось и на благополучное возвращение домой – тоже.

А кроме всего прочего, сама высадка десанта, пусть даже прямо в намеченный район, в горах самоубийству подобна: приземляться хорошо на лужок, а не на крутой каменистый склон. Но пусть даже большинство сохранялось; везде, где еще несколько часов назад видеоразведка показывала сосредоточение немалой группы противника, оказывалось пусто, даже следов не найти было, и сиди здесь хоть неделю – никого не увидишь, кроме горного вуцана поодаль. Однако стоит начать движение, выйти из-под козырька, под которым все это время укрывались, – и закидают минами, и снайперы, умеющие прицеливаться в горах, начнут резвиться.

Так что сколько ни готовь и ни обеспечивай такую операцию – ничего на ней не выиграешь, в результате одни потери. Пытались уже и закалялись.

Можно было, конечно, избрать и другой метод: людьми не рисковать, пусть себе работают авиация и крупнокалиберная артиллерия с дистанции километров в пятьдесят: вот тут уже риска для жизни никакого, а противнику – а что, собственно, противнику? Да ничего: чтобы всерьез добраться до него, надо перемолоть в щебень все горы; но и слабоумному ясно: это масштаб не человека, а одного лишь Творца – а он в этих играх не участвует.

Что же касается Сильных Вооружении – и ядерного, и био, и химии, – то, может, всеобщий гнев когда-нибудь и подтолкнул бы к попытке решить проблему с их помощью, если бы не тот очевидный и неизменный факт, что ветры слетали с гор в долины, и реки текли оттуда же, а никак не наоборот. Плевать же вверх, как известно, чревато неприятностями для самого плевателя.

Поэтому после очередной войны, может, и помечтав немного про себя о такой вот кардинальной операции, приходилось жить дальше на прежних условиях.

Проходить очередной цикл.

Периодичность была такова: после войны у горцев уходило в круглых цифрах двадцать лет, чтобы жизнь вернулась на былой, предвоенный уровень, забылись потери, выросло новое поколение и получило соответствующее воспитание, были восстановлены разрушенные и выдолблены в горах новые ходы, убежища, хранилища продовольствия и боеприпасов – и все такое прочее. То же и у свиров: восстанавливалась (и не просто, а, естественно, в усовершенствованном виде) разрушенная технология, в очередной раз модернизировалась армия, так что через два десятилетия могло показаться, что войны вроде бы вовсе и не было. И с этой засечки начинался новый период благоденствия наук и ремесел, изобретения и опробования новых вооружений, потому что предстоящие двадцать лет должны были быть, с одной стороны, временем мира и процветания, с другой же – новым предвоенным временем, потому что все прекрасно знали: минет еще двадцать лет – и все начнется сначала, как уже не однажды, хотя, разумеется каждый раз на более высоком уровне; с обеих сторон, к сожалению.

Так что теперь, по всем правилам, только начинался новый благоденственно-предвоенный период; и свiry со своим правительством во главе действовали соответственно. А это, кроме всего прочего, означало, что принятые двадцать лет тому назад Министерством Демографии меры по обеспечению семидесятипроцентной рождаемости женщин принесли свои плоды; теперь наступила пора изменить объединенными усилиями генетиков и медиков демокурс на противоположный, и отныне эти семьдесят процентов женщин, сейчас составлявшие все те же семьдесят процентов молодого населения, вошли в пору уверенного материнства и, выполняя долг перед государством, производили на свет (в рамках ли семьи или нет – значения не имело, . поскольку безмужняя беременность даже по Заповедям – см., например, книгу шестую, начинающуюся словами "О, юная и прекрасная, широкобедрая...", – грехом не считалась) уже девяносто процентов мальчиков, которые еще через двадцать лет обеспечат доведение армии до уровня военного времени, и тогда-то эта новая регулярная война, сто девятая по счету, и начнется. И вот – вдруг, совершенно неожиданно для всех, оказалось, что в горах происходило то, чему срок только через две декады. Каким образом ухитрились улкасы вдвое сократить период подготовки к новой войне, пройти сорокалетний путь за двадцать – было совершенно непонятно. Но сейчас это и не столь важно. Достаточно двух фактов, ясных и неоспоримых. Улкасы к нерегулярной войне оказались готовы. А свiry – нет.

Но и этого было мало. Сама война на этот раз началась по-другому.

Большая часть границы – Линии Сургана – осталась спокойной, иными словами, горцы там как бы даже не собирались сходить на равнину, а лишь следили, чтобы свiry не пытались нанести ответный удар. На старте новой войны, уже получившей неофициальное название "неожиданной", ни пехотных масс не было, ни фронта как такового, и вся война сконцентрировалась в одном месте, а именно – вокруг клина Ком Сот. Клин этот был естественным образованием, одним из горбов граничной синусоиды, а проще – равнина в этом месте вытянутым треугольником вдавалась в горный мир между двумя крутыми хребтами и улкасы давно уже точили зубы именно на эту территорию, редконаселенную, но богатую пастбищами. Однако до сих пор считалось, что клин Ком Сот находится в безопасности: удобные сходы в долину (о которых уже упоминалось) отстояли и на севере, и на юге достаточно далеко от этой территории, и чтобы добраться до клина, надо было, сойдя в предгорья, с боем пробиваться к нему, что было весьма нелегко: места схода усиленно охранялись не только улкасами, но и свирами – внизу, разумеется. На этот же раз улкасы вдруг каким-то образом оказались прямо перед клином, а точнее, на нем.

Каким образом удалось им сойти с гор в этих местах, считавшихся – да и бывших – непроходимыми, никто в Свире объяснить не мог. Однако факт оставался фактом.

Тут фронт – в общепринятом смысле слова – пока, во всяком случае, не сложился; для него просто места не было – острый конец клина представлял собой теснину, зажатую между

крутыми склонами, и в первые дни лишь небольшая часть его была занята улкасами: сначала пограничная служба, а потом и подтянутые из ближнего гарнизона подразделения не дали нападавшим возможности быстро расширить плацдарм. Таким образом, войну по необходимости вели пока еще малочисленные группы; не было улкаских крупных войсковых частей, не было и свирских, и до сих пор ни одной из сторон не удалось добиться серьезного перевеса. Да и будь там даже танки – не станешь ведь гоняться на танках за одиночным противником? Фронта тут не было, а были направления, районы, площади, в любой точке которых мог внезапно появиться, словно из ничего возникнуть, один улкас или десять, сто – и мгновенно, собравшись воедино, ударить в слабую в Данный миг точку, поразить ее и продвинуться еще на бросок или два вперед, все более подрезая основание клина. Со своей стороны свирсы старались нахарить и ударить по группе противника, пока она еще не ударила сама. Можно представить себе картину: два человека, которые в тесном чулане могут действовать только пальцами одной руки, ведут схватку лишь при помощи-этих пальцев; при этом один старается вытолкнуть противника в более просторное помещение, а тот упирается, надеясь, что придет кто-нибудь из своих и выручит. Однако этот "свой" все медлит, не идет... Война велась на изнурение, на доведение противника до нервного срыва, до паники, и похоже, и начавшие ее улкасы, и противостоящие им свирсы, привыкшие к давно испытанной методике ведения войны, сейчас потерялись, какие-то соображения или надежды не сработали – и обе стороны мешкали, на ходу пытаясь найти действенный план победы...

Вот чему и посвящалось совещание, о котором мы начали было рассказывать.

– Итак, верком Гумо, – сказал Вершитель Мору, – по-вашему, ни в чем никто не виноват? А война эта – просто стихийное бедствие? Но ведь даже такие явления предсказуемы!

– Совершенно справедливо, – согласился Гумо. – Однако этим занимаемся не мы. Как всем известно, такие вещи относятся к области прогнозирования – а этим ведает Про-Институт, директор которого высокочтимый верком Сидо здесь присутствует. Но если уж пришлось упомянуть это учреждение, осмелюсь заметить: его прогнозы нередко очень далеко отстоят от реальности, и, возможно, единственная вина моих людей, да и меня самого, заключается в том, что мы слишком уж на них полагались. Если бы не это обстоятельство...

– Хорошо, – проговорил Мору уже совершенно спокойно, пережив приступ гнева праведного. – Этот вопрос мы обсудим отдельно – в более спокойное время.

А сейчас, так или иначе, мы имеем дело со свершившимся фактом. Начнем действовать. Гумо, чем они, по вашим данным, располагают? Начальник ОСС откашлялся.

– Численно – их несколько больше, чем в ту войну. И, откровенно говоря, я не могу, никто у нас не может сейчас понять, почему они не пробиваются на оперативный простор так, как делали всегда, сходя на предгорья по ущельям. Их замысел остается крайне неясным. Но мы, конечно же, принимаем меры, мы действуем, чтобы понять...

– О своем непонимании доложите позже. Вы сказали: у них войск больше, чем в Сто восьмую. Каким образом? Откуда они взяли солдат? Настругали в мастерских? Нет? Откуда же?

Верком Гумо пожал плечами:

– Численно больше, да. А что касается Сто восьмой войны – разница в том, что у них сейчас под ружье поставлено поколение не детей, как было бы через двадцать лет, но родителей. Ровесников Сто восьмой. В то время как у нас...

– Что у нас – мы знаем, – не очень вежливо осадил его Вершитель. – Переходите к цифрам.

– Да, разумеется. Сейчас у них в состоянии готовности первая волна: до полутора миллионов солдат.

– Ну, можно ли называть их солдатами... – негромко, но отчетливо пробормотал Полевой Военачальник.

– Воинов, боевиков, головорезов – как угодно, – тут же откликнулся разведчик. – Суммарно, по всем направлениям. Но главное в том, что это и мужчины, и женщины. Женщины – вот источник увеличения численности войск.

– Это же глупость! – сердито молвил Мору. – Выходит, они посылают в огонь матерей будущего поколения? Оставляют себя без продолжения и умножения нации! Идиотизм, не могу найти иного слова. История не знает подобного.

Самоубийственная непредусмотрительность. Чем может быть вызвана такая промет-чивость?

Верком лишь пожал плечами.

– Позвольте мне. Вершитель?

– Конечно, верком Сидо. Гумо иронически усмехнулся.

– Только одним она может быть вызвана, – после краткой паузы проговорил Директор Про-Института, только что обвиненный перед лицом Высокого Сопещения. – И мысль вовсе не так глупа: захватить нас в миг нашей наименьшей готовности к военным действиям. Мы ведь тоже вырастили поколение матерей. Но мы не можем дать им оружие...

Он умолк как-то нерешительно, словно ожидая, что ему тут же возразят:

"Ну отчего же, "Заветы Сургана", конечно, святы и нерушимы, но когда само существование страны под угрозой, можно и отступить от них – в порядке, как говорится, исключения". Однако никто не ответил, даже Водитель, от которого только и могла исходить такая инициатива.

Все отлично понимали, нет, даже не понимали, а подсознательно чувствовали: "Заветы", как и любая другая сумма установлений, подобны старому дому: скрипит, но стоит, пока его не трогаешь; однако стоит приступить хотя бы к небольшому, частному ремонту – и начинает сыпаться одно за другим, так что в конце концов вся система разваливается, и вместо хоть какого, но жилья остается лишь куча строительного мусора. А построить тут же новый дом не так-то просто, в особенности если ты к этому не готовился: и материалов не запасено, и рабочие не наняты, да и денег, откровенно говоря, на такое дело не отложено...

Так что на невысказанный вопрос последовал такой же безмолвный и потому очень ясный ответ: не надо трогать Заветов, потому что даже и сам Про-Институт не в силах дать сколько-нибудь членораздельное предвидение: когда и чем процесс ревизии основ закончится, если его однажды начать.

Да, собственно, верком Сидо и не ожидал другого отклика.

– Хотелось бы знать, кто мог подсказать им такой рд сказал Водитель, ни к кому в частности не обращаясь. – Хоть убейте, не поверю, что они своим умом до этого дошли. Нет у них такого ума; во всяком случае, никогда прежде не было. И не только ума, но и воли – это ведь подумать только: отойти от веками выработавшейся схемы, сломать ее вот так, сразу, и это не где-нибудь, а среди улкасов, у которых основа мышления – консерватизм, слепая верность прошлому, воспринимаемому безо всякой критики. Чтобы безо всяких споров и волнений произвести такие перемены, очень многое требуется. Ум, воля и влияние – и все это в одном человеке. И не где-нибудь, а на самых верхах. Что, разве у них произошли перемены в высшей власти?

Верком Сидо отрицательно покачал головой:

– Наверху все те же люди. Арбарам и вся его команда. Люди суровые, целеустремленные, волевые, но до мозга костей приверженцы старого. Им такое решение не по зубам.

– И никого нового?

– На виду – ни единого лица.

– То есть кто-то за ширмой? Гумо, а вы как полагаете?

– Видимо, так, – признал разведчик без особой охоты.

– Ваше упущение. Большое упущение.

– Признаю, Вершитель. Но над их установлением мы работаем, не жалея сил.

– Это остается на вашей совести, Гумо, и всей вашей команды. Хорошо, мы создадим комиссию, и она разберется. (Гумо облегченно вздохнул, Сидо едва уловимо усмехнулся.) Сейчас главное, как вы понимаете, в другом: что мы можем противопоставить улкасам? И чего нам следует ожидать? Сидо ответил после паузы:

– Думаю, они немного просчитались с подготовкой основных сил и начали преждевременно, или кто-то их слишком поторопил. Но как только они закончат подготовку основных сил – следует ожидать удара.

– Где? Там, где сейчас дерутся? Или – по традиции, из ущелий?

– Возможны оба варианта. Демарш на клине может носить отвлекающий характер, но возможно, там последует и основной удар. Ответить на этот вопрос я смогу, когда мы выясним, каким образом там оказались те улкасы, что ведут бои сейчас, каким был способ схода с гор в совершенно непригодном для этого месте.

Пока же, по заключениям наших аналитиков, мы можем лишь утверждать: все то, что улкасы способны выставить, они концентрируют именно у нашей границы. Так что...

– Когда они, по-вашему, будут готовы выступить?

– Самое позднее – через месяц: основная подготовка у них уже закончилась.

– Итак, месяц. Мы в провале: сейчас можем выставить... м-м... сколько?

– Не более семисот тысяч человек, доведя до минимума все вспомогательные части, – тут же доложил Полевой Военачальник.

– Это гарантированное поражение. Насколько я понимаю, эти семьсот тысяч – в основном технический состав?

– Так точно. Бронетехника, артиллерия, ракеты, авиация, инженерные войска... Одним словом, профессионалы. Костяк армии. А вот полевых войск почти нет. Пехоты. Мы рассчитывали иметь ее не раньше, чем через двадцать лет. Нам этих лет не дали. Мы...

– Благодарю. Сколько нам нужно поставить в строй, чтобы гарантировать не только достойную встречу, но и стремительное и победоносное наступление?

Ведь, если я понял вас правильно (тут в голосе Водителя явственно звякнул металл), улкасы не только нас, но и себя поставили в необычное положение: бросая всю силу на нас, упоывая на нашу неготовность, они оставляют незащищенным свой тыл. И мы, в свою очередь, окажемся большими глупцами, если не используем этого обстоятельства и не постараемся решить проблему не на двадцатилетний срок, а, может, на двухсотлетний, а то и вообще до скончания веков. Если мы не позволим вернуться в горы массе войск, когда она (он покосился на веркома Гумо) хлынет на нас, а попытаемся, отрезав от путей отхода, перемолоть их на равнине и в предгорьях, то с противостоянием будет, по сути дела, покончено навсегда: мы получим наконец полный контроль над горами – чтобы, я надеюсь, уже никогда больше его не выпустить из рук. Что скажете, собратья?

Все молчали, возможно, упиваясь только что нарисованной Верховным Главнокомандующим картиной, или просто не верили в столь ослепительную перспективу. Только минуты через две Полевой Военачальник решился высказать свое мнение:

– Я поднял бы все пальцы за такой исход, если бы у нас была армия хотя бы в два миллиона человек. И, конечно, если бы существовал план атаки Улки со стороны Океана – поскольку именно он защищает их тылы, а прибрежная полоса принадлежит, как известно, вин-дорам. Они что – согласились пропустить нас? А как мы туда попадем? Флота ведь мы не имеем за отсутствием выходов к Большой воде.

– Что касается подступов к их тылам, – сказал Вершитель безапелляционно, – это проблема Гумо: кто, если не разведка, должен найти их?

Это приказ. А о количестве нашей армии... Вы сказали – два миллиона? – спросил Вершитель со странной интонацией. – А если мы получим в свое распоряжение пять миллионов – как тогда?

– Мечтания... – вздохнул кто-то из присутствовавших.

– Нет, вовсе нет, – возразил Главковерх с усмешкой и обратился ко всему Совещанию:

– Предлагаю принять решение о немедленном запуске проекта "Метаморф".

Воцарившееся после этих слов молчание было непродолжительным, но свинцово-тяжелым.

Вершитель усмехнулся:

– Ваши сомнения мне понятны. Мы ни разу еще не пользовались этим проектом в таком его варианте просто потому, что не было надобности. Но вот она появилась; мы знали, что рано или поздно этот день придет. По докладам служб, к нему готовы и генетики, и медики, и все остальные службы, занятые в проекте.

Неужели мы испугаемся риска? Или роль сыграют отвлеченные соображения? Короче, кто за то, чтобы немедленно запустить проект "Метаморф"?

В зале произошло некоторое шевеление.

У свиров принято высказывать свое мнение – голосовать, иными словами, – поднимая вверх пальцы; чем в большей степени голосующий поддерживает предложение, тем больше пальцев он поднимает. При возражении пальцы указывают вниз; при воздержании в воздухе маячат кулаки.

На этот раз при двадцати присутствующих было поднято двести пальцев. То есть если у кого-то и были сомнения, он предпочел оставить их при себе и устремил вверх все свои пять и пять. Хотя верком Сидо и проворчал себе под нос:

– Все же проще было бы похерить Двенадцатый...

Онго не состояла в переписке с властями, и потому была очень удивлена, прочитав на конверте, украшенном государственным гербом (на овальном щите полосатый лесной кот и гривастый бык, повелитель степи, стояли, поднявшись на задние конечности, друг против друга, но глядели, повернув головы, наружу, на зрителя), именно свое имя, а вовсе не кого-то из старших. Удивлена, да; но и польщена тоже, разумеется. Оказывается, у государственной власти нашлось, что сказать ей, ничем особенным пока в жизни не отличившейся, пока успевшей лишь пройти среднюю ступень образования по специальности "Агралеты; обслуживание и пилотирование" (хотя с прекрасными показателями) и только через месяц с небольшим собиравшейся приступить к последней, высшей? Безусловно, такое внимание было лестным. И прежде, чем набрать, как она только что намеревалась, номер Сури, она решительно вскрыла конверт, надеясь, что в нем окажется что-то такое, чем можно будет похвастаться перед любимым человеком. Что именно? Ну, хотя бы приглашение на учебу в Академию Воздуха: результаты, с какими она закончила среднюю ступень, в общем, давали ей право рассчитывать на преимущества при поступлении – хотя, откровенно говоря, Онго в это не очень-то верила: в конце концов таких, как она, "подлетков" в Свире было куда больше, чем мест в Академии, и поступали туда обычно те, чьи родители пользовались известностью и уважением; о своих Онго сказать этого никак не могла – обычные чиновники муниципального уровня, каких в стране многие тысячи. Итак, она вскрыла конверт, вынула из него сложенный пополам лист плотной (тоже казенной) бумаги и окинула его взглядом прежде, чем прочитать написанное.

Потом прочитала внимательно. Не очень поняла что к чему. Еще раз, теперь уже очень медленно, слово за словом. Резко мотнула головой, будто не соглашаясь, отрицая. И прочла в третий раз. Текст оставался все тем же, ни единой буквы в нем не изменилось:

"Гражданке Ру Онго. Улица Красных листьев, шестнадцать, сектор семь.

Именем Государства руководство Проектом "Метаморф" предлагает Вам прибыть в 22-й день месяца Цветов в 8 часов утра на 28-ю станцию Проекта по адресу:

Пенная аллея, четыре, для скорейшего решения вопроса о Вашей пригодности для государственной службы".

Дальше – две подписи: Главы Проекта (факсимиле) и директора двадцать восьмой станции – натуральная. А также печать, тоже с Котом и Быком.

Это было не очень понятно.

Проект "Метаморф"? Она впервые слышала, чтобы что-то такое действительно существовало в мире. Хотя, кажется, одно время какие-то туманные слухи ходили, но, насколько Онго знала, никому из ее близких или хотя бы знакомых никогда не приходилось с таким проектом сталкиваться. Он был – это следовало из содержания письма, – но в то же время его как бы и не существовало. Чем-то виртуальным являлся этот проект для нее и для всех, кого она знала. На свете всегда существовало и существует множество подобных контор, учреждений, заведений, о которых все что-то когда-то слышали, но совершенно ничего, по сути, не знают: наличие этих институций никак не пересекается с жизнью простых людей. И когда приходится неожиданно столкнуться с ними, это невольно вызывает ощущение тревоги, как и всякое соприкосновение с неизвестностью.

Такое вот чувство испытала сейчас и Онго. И минуту-другую в нерешительности простояла возле телефона, пытаясь сообразить, что же ей сейчас с этой бумагой делать, как отнестись к ней: смеяться или плакать?

Однако счастливый характер, каким обладала девушка, не позволил ей долго оставаться в бездействии. Счастливым в ее характере можно, пожалуй, счесть то, что во всем, что бы ни происходило с нею, она всегда ухитрялась увидеть в первую очередь хорошее, что могло заключаться в сложившихся обстоятельствах – увидеть, порадоваться и воодушевиться. А если после этого в обстоятельствах начинали проступать и иные стороны, то успевшего возникнуть настроения обычно хватало на то, чтобы справиться с ними. Людям с таким характером жизнь обычно удается, в то время как пессимистам в ней часто приходится намного труднее.

Так получилось и на сей раз. В конце концов, каким бы ни являлось содержание этого самого Проекта, речь шла о государственной службе: да-да, именно так тут и было написано. А разве это не лучше даже, чем служить в Агра?

Правда, она рассчитывала прежде всего на Академию Воздуха. Но, может быть, сама учеба в Академии тоже считалась государственной службой? Скорее всего именно так оно и было – а следовательно, речь шла именно о том, чего ей так хотелось.

Так что полученная бумага давала повод для радости, и ни для чего иного.

Конечно, они могли бы так и написать: просим, мол, прийти для переговоров о вашей учебе в Академии Власти – вместо Академии Воздуха. Чтобы сразу все стало ясным.

Могли бы, конечно. Но кому неизвестно, что государственные службы обожают даже самые простые вещи облекать в такую сложную форму, что не сразу и догадаешься, что же они хотят сказать. Такова уж Власть: обожает таинственность, на которой держатся три четверти ее авторитета.

Двадцать второе Цветов – это завтра с утра. Придется лечь спать пораньше. Онго понимала, что это даже кстати: она не чувствовала физической усталости, наоборот, близость с Сури придала ей бодрости; однако Онго понимала, что завтра во время собеседования в Проекте (она уже совершенно уверилась в том, что именно об этом и шла речь) ей понадобится все спокойствие и самообладание: как ей приходилось слышать, вопросы к претендовавшим на государственную должность бывали весьма каверзными, а ответы оценивались очень строго.

Так что спать следовало лечь сразу же. Сразу после того, как она поговорит с Сури, скажет ему и услышит от него... И, конечно, не преминет похвастаться полученным приглашением.

Она набрала наконец номер. Ответили ей не сразу; судя по голосу, то была мать Сури:

– А кто его спрашивает?

– Его знакомая. Онго меня зовут.

– Ах, Онго... (секундная пауза) К сожалению, он уже спит. И просил не будить его.

Онго это показалось странным. Лег, даже не поговорив с нею, – после того, что между ними произошло? Странно и обидно.

Но характер снова одержал верх. Ничего особенного: он просто устал сегодня. Говорят, у мужчин это отнимает много сил. Сури же, при всех его милых качествах, никак не богатырь. Да, это она сама его утомила. Что же удивительного, что он не дождался ее звонка. А почему не позвонил сам?

Наверное, рядом все время были родители, а в их присутствии он, конечно, не смог бы сказать то, что она хотела от него услышать. А если бы он не сказал, она обиделась бы куда больше, чем сейчас.

– ...Простите, что вы?

– Я спрашиваю: передать что-нибудь? (С некоторым раздражением.) – Нет, благодарю вас. Я позвоню ему завтра. Ничего срочного. До свидания, спокойной ночи.

Ладно, Онго и так прекрасно знает, что он сказал бы ей, если бы ему удалось позвонить. Сейчас она тоже ляжет в постель и повторит себе все эти слова – от его имени, разумеется. И никаких обид. Хуже всего – засыпать с ощущением, что тебя обидели.

Скорее бы настало завтра. Завтра все должно быть прекрасно...

* * *

Завтра оказалось совсем не таким, каким Онго его представляла.

Станцию Проекта она нашла без труда. К удивлению девушки, по указанному в письме адресу помещалась не какая-нибудь контора, а почему-то обычная больница; во всяком случае, на первый взгляд она казалась обычной, вот разве что высокий забор из бетонных плит представлялся слишком неуместным. Такой подошел бы, наверное, для сумасшедшего дома или для клиники высокозаразных инфекционных заболеваний, но здесь, похоже, ими не занимались – во всяком случае, незаметно было никаких предостережений и предупреждений. Нормальный больничный корпус, только и всего. Разве Проект имел какое-то отношение к медицине? Тогда это не для нее: стать врачом Онго не собиралась, это было бы, пожалуй, слишком заурядно для нее, и в больные тоже вроде бы не годилась: на здоровье жаловаться ей не приходилось.

Тем не менее следовало выяснить все до конца, прежде чем направиться домой.

Онго решительно отворила массивную дверь и вошла в больничное преддверие. И тут же остановилась в растерянности, даже едва не повернула назад – настолько неожиданным было увиденное ею. Преддверие оказалось уже битком набитым посетителями. Несколько десятков человек. И все это были девушки и молодые женщины возрастом не моложе шестнадцати и, пожалуй, не старше двадцати пяти. Все они толпились перед длинным-длинным, во всю ширину вестибюля столом, за которым со стороны стены сидело не меньше дюжины женщин – эти были постарше и все в медицинских халатах. Перед каждой из них лежал длинный, на многих страницах список, на стене повыше были вывешены таблицы с буквами алфавита – где по одной букве, а где-то и по три, четыре, даже пять – по принципу частоты употребления. И к каждой из этих больничных женщин стояла очередь; эти-то очереди, длинные, извивающиеся и закручивающиеся улиткой, и занимали все обширное помещение.

Неужели столько претенденток на обучение в Академии Власти? Онго никогда не думала, что их может быть так много. "Чуть ли не все городское девичество", – подумала она. Приглядевшись, в разных очередях Онго увидела несколько знакомых и полужнакомых лиц; никто из этих знакомых никогда и не заикался о своем желании поступить в Академию. Скрытность? Онго еще не хотелось думать, что Академия была тут ни при чем: ей так нравилось считать, что ее пригласили сюда именно ради учебы, что она успела уже совершенно поверить в свое предположение. А вот сейчас начала в нем сомневаться.

Она отыскивала свою букву "Р" и встала в конец очереди. За ней сразу же встала еще одна, за той – следующая, и еще, и еще... Девушки продолжали приходить. Только девушки. Одни только девушки.

Онго подумала, что она потеряет тут, пожалуй, если не целый день, то уж полдня непременно. Она не любила очередей и никогда в них не стояла. Впрочем, очередь вообще была в городе редкостью, но если все-таки возникала, Онго предпочитала остаться без чего-то, чем терять время так бездарно. И сейчас, минут десять попереминавшись с ноги на ногу, она, рассердившись, решила: довольно. Она не должна страдать из-за скверной организации дела в этом проекте-как-его-там. Ясно, что никакой учебой тут и не пахнет, а если даже она ошибается, то придется менять свое мнение об этой пресловутой Академии Власти: раз уж при наборе такой беспорядок, то чему же у них можно научиться?

Придя к такому выводу, Онго решительно вышла из очереди и направилась к выходу. Однако не тут-то было: выйти ей не позволили. Входя, Онго и не заметила, что в помещении, у самой двери, стояли двое в военной форме – и то были единственные здесь мужчины. Солдаты с оружием. И хотя они не держали его на изготовку, уже сам облик оружия внушал если не страх, то во всяком случае, ощущение неуверенности. И когда Онго попыталась пройти мимо них, чтобы выйти на улицу, они, разом вытянув руки, помешали ей сделать это и один из них, с каким-то значком на воротнике, отрицательно покачал головой и кивнул в ту сторону, откуда она только что пришла, – в сторону очередей. Онго после секундного колебания повернулась и пошла туда, куда было указано. Она не стала искать своего места, а снова пристроилась в конец. Хорошо, она выдержит все до конца. Но уж когда окажется перед людьми, все это придумавшими, то прямо и без обиняков выскажет все, что по этому поводу думает.

Минут через двадцать она смогла, наконец, подойти к столу и предъявить вчерашнее письмо. Ее имя нашли в списке, отметили и сказали:

– Кабинет триста пятьдесят шесть – третий этаж. Лифты справа в углу.

Возьмите жетон – там отдадите его. Следующая!..

Внутренне вскипая, Онго тем не менее послушно взяла жетон и направилась туда, куда отходили от столов и все остальные.

Нужный кабинет она отыскивала без труда. Очереди перед ним не оказалось, Онго вежливо постучала в дверь и вошла.

– Итак, вы – Онго Ру, имеющая гражданство Свиры и постоянно проживающая в нашем городе?

Спрашивал сидевший за столиком мужчина – в годах уже, лысоватый, полный и почему-то в темных очках. Одет он был в темный костюм, халата не носил, так что, наверное, не принадлежал к медицинскому персоналу. Представитель Академии, может быть?

– Да, это я.

– Садитесь.

Это происходило уже не в триста пятьдесят шестом кабинете, куда ее поначалу направили. Там ее встретила медицинская комиссия и Онго была осмотрена – по всем правилам и достаточно быстро: больница была оборудована очень хорошо, и основная работа тут приходилась на долю аппаратуры и приборов, люди лишь рассматривали их показания. Онго нашли совершенно здоровой и хорошо развитой физически, после чего санитар проводил ее на самый верх, на тридцать шестой этаж. И только здесь, выйдя из лифта, она увидела перед входом в коридор небольшую табличку с надписью: "Станция Проекта "М". Тут и происходил сейчас разговор.

– Врачебный осмотр пришел к выводу, что вы совершенно здоровы. Вы согласны?

– На здоровье не жалуюсь, – ответила Онго суховато; она все еще не понимала, зачем она здесь.

– Вы не замужем.

– А что, вы хотите сделать мне предложение? Боюсь, мне придется отказаться.

Странно, однако на явную дерзость чиновник (так она назвала его про себя) никак не отреагировал. Не усмехнулся и не поморщился. И продолжал:

– Из данных комиссии следует также, что вы не беременны.

"Это как знать, – подумала Онго про себя. – До вчерашнего дня не была, это совершенно точно. А сейчас? Все может быть..." Вместо ответа она лишь пожала плечами.

– Таким образом, будучи совершенно здоровой физически, пройдя среднюю ступень образования, не связанная узами брака, не имея детей и не являясь беременной, вы, безусловно, соответствуете требованиям, которые проект "Метаморф" предъявляет своим участникам.

Тут Онго почувствовала, что больше не выдерживает.

– Да объясните в конце концов: что это за чертов проект и какое ему дело до того, беременна я или нет? Я всегда думала, что это мое личное дело.

Если я и забеременею, то, уж во всяком случае, не от вашего проекта, а от того, от кого захочу. А вы что, думаете иначе?

Чиновник снова не нахмурился и не усмехнулся; он лишь с огорчением покачал головой:

– Вы что же, ничего не знаете о сути Проекта? Совсем ничего?

– Такая уж я недоразвитая. А знаете, в школе этого не проходят.

.

– Очень печально, – сказал чиновник. – Не знаете. А надо бы. Хотя должен признать – в школах действительно этого не преподают, хотя бы потому, что положение о Проекте является секретным правительственным документом. Но сейчас пришло время снять эту секретность.

– Хорошо, – сказала Онго примирительно. – Если вы дадите мне учебник или что-то такое, обещаю вам дома внимательно прочитать его.

– Дома? – повторил чиновник, высоко подняв выпцветшие брови.

"Документ высокой секретности: проект "Метаморф".

Применяется только по решению Высокого Совещания.

Раздел М-М: смысл – Мужчины; мобилизация.

Исполнители: Военное Министерство; Комитет по генетике и Министерство Демографии; Министерство Здоровья Свиры.

Условие использования: Настоятельная необходимость быстрого принципиального изменения демографического состава населения до уровня, диктуемого обстоятельствами.

Порядок исполнения:

Получив решение Высокого Совещания, Комитет по генетике и Министерство Демографии, пользуясь имеющимися в их распоряжении данными о возрастном и половом составе, а также о состоянии используемых групп населения, в течение одних суток рассылает заранее заготовленные повестки адресатам. Повестки предлагают явиться в ближайшую Станцию Проекта в первый, второй или третий день М.

Министерство Здоровья организует на Станциях Проекта комиссии по проверке здоровья привлекаемых. При определении пригодности привлекаемых учитываются правила и нормативы, применяемые при нормальном укомплектовании Вооруженных сил: прежде отбирается категория А – безусловно здоровые, по ее исчерпанию – категория Б – практически здоровые; категория В включает в себя людей, страдающих или подверженных заболеваниям, не имеющим остроинфекционного характера, а также имеющих некоторые отклонения в психике – такие, как агрессивность и др. На использование категории В требуется особое указание Высокого Совещания, отдаваемое через Военное Министерство.

Категории А и Б включают в свой состав людей необходимого в данном случае пола в возрасте: мужчин – от 18 до 30 лет, женщин – от 16 до 26 лет.

Условие привлечения мужчин: пригодны лишь не состоящие в браке. Женщин: используются лица, не состоящие в браке и не находящиеся на день М в состоянии беременности.

Вопрос об использовании женщин, готовых к вступлению в брак (в случае официального подтверждения этого обстоятельства) решается в каждом случае индивидуально.

Категории А и Б составляют первую волну реализации проекта.

Категория В составляет основу второй волны. В случае необходимости она дополняется категорией Г.

Категорию Г представляют собой люди в возрасте от 31 до 40 (мужчины) и от 27 до 35 (женщины), по своему состоянию соответствующие категориям А и Б. Их привлечение требует особого постановления Высокого Сопровождающего.

После прохождения медицинской комиссии на Станции Проекта привлекаемое лицо помещается в специализированную клинику Комитета по генетике, где и подвергается предусмотренной процедуре, включающей в себя также и период реабилитации. Люди, чья реабилитация не дает необходимых результатов в предусмотренные сроки, условно переводятся в категорию В, и их реабилитация продолжается. Люди, так и не пришедшие в нормальное состояние, признаются нетрудоспособными и переходят на иждивение государства.

Люди, чья реабилитация завершена своевременно, поступают в зависимости от основной ситуации в полное распоряжение Комитета по генетике либо Военного Министерства.

При распределении полученного людского материала..."

Таков был документ, в незнании которого чиновник на Станции Проекта упрекал Онго, отлично зная, что ознакомиться с секретным документом у нее не было никакой возможности.

Зато после собеседования, ожидая в коридоре вместе с несколькими другими девушками и женщинами дальнейшего развития событий, она увидела на столике печатный листок. Прочла название: "Памятка гражданину, привлеченному к участию в проекте "Метаморф".

В этой памятке, помимо нескольких простых истин – например, как следует гражданину относиться к призыву государства прийти ему на помощь; как следует вести себя на Станции Проекта, и как – в специализированной клинике, и какие мысли следует гнать от себя, а какие, наоборот, привлекать; как много хорошего есть в том, что вы приобретете, и как много плохого заключено в том, с чем вы очень скоро расстанетесь; и так далее – вплоть до того, что в конце концов Творец возложил на людей, именно на свиров, миссию дальнейшего усовершенствования этого мира, а потому все, что ведет к укреплению Страны Свиров, ведет и к усовершенствованию всего мира и заслуживает, если потребуется, всяческих жертв со стороны каждого свира, – итак, помимо всего этого содержалась и некоторая информация, показавшаяся Онго очень полезной. Но она еще не успела понять – почему. Не успела или не сумела – просто потому, что так и оставалось неизвестным: что же с ними собираются делать? Возникали в уме и тут же отлетали какие-то предположения, постоянной оказалась лишь неясная тревога, так никуда и не уходившая.

Впрочем, на спокойные размышления не было ни времени, ни условий. И ясно было, что здесь, в больнице, покоя она не найдет.

Все более настойчивым становилось желание немедленно, сию же секунду бежать отсюда. Бежать, куда угодно. Туда, где ее не найдут. Бежать любым способом, на любых условиях.

Но, оглядевшись, Онго поняла, что – во всяком случае сейчас – это совершенно невыполнимо. Из коридора был только один выход, и он охранялся молодым улыбчивым солдатом.

– Нельзя, – сказал он.

– Неужели уж никак? – Онго постаралась улыбнуться покорнее. И, кажется, это ей удалось. Солдат усмехнулся в ответ:

– Ну... может, и можно, только не так сразу. Погляжу. А ты иди пока к остальным. Не маячь.

– Скажи хоть – что с нами будут делать?

– Все расскажу. Иди.

Онго оглянулась, по коридору шел кто-то из медицинского начальства, и солдат явно не хотел, чтобы его заметили разговаривающим с девушкой.

Пришлось отойти. Но хоть какая-то надежда появилась. А может, еще и другие лазейки можно отыскать?

Только тут ей вспомнилось вдруг то место в "Памятке", где говорилось (а раньше об этом было уже сказано в секретном документе), что девушка, соответствующая Проекту по возрасту и состоянию здоровья, может тем не менее избежать привлечения к этой акции, если она должна в самом скором времени выйти замуж и необходимые для этого предварительные официальные действия ею уже предприняты.

Одно действие, которое могло (хотя и необязательно) привести к браку, уже было совершено ею вчера. К сожалению, она понимала, что оно никак не могло считаться официальным.

Но ведь остальное еще можно уладить?

Например, если Сури сейчас же, немедленно пойдет в муниципалитет, в департамент семьи, и подаст соответствующее прошение. Если убедит тамошних чиновников сразу же назначить день обряда, и как можно скорее. Завтра, послезавтра...

Нужно было как можно быстрее позвонить Сури. Объяснить ему все. И попросить... Нет, даже потребовать... Ведь он же ее любит! Он не захочет потерять ее навсегда! А значит, побежит и все сделает.

Дело оставалось за малым: найти телефон.

Но и в этом ей повезло: у одной из соседок в коридоре оказалась трубка.

Дрожащими от нетерпения пальцами Онго набрала номер. Она просила Творца: ну, сделай так, чтобы там не было занято! Сделай так, чтобы я дозвонилась! Потому что ведь каждую минуту их могли забрать отсюда, и что будет дальше – совершенно неясно.

Но Творец помог: номер не был занят, и ей ответили. К сожалению, не сам Сури, а его мать.

– Позовите, пожалуйста, Сури...

Онго старалась, чтобы ее голос не трепетал. Но явственно услышала, как дрожал голос отвечавшей ей женщины:

– Сури... Его нет... Слышите – его нет!

Вот еще новости.

– Что значит?.. Как это – нет? Я звонила ему на работу, в Про-Институт, и там тоже сказали...

– Пришла повестка, и ему пришлось пойти... Они там, в институте, теперь все мобилизованы и переведены в казармы. Как простые солдаты. Это же ужасно!

Наши мальчики – и вдруг...

– Мобилизовали? В казармы? Но зачем?

– Началась война, да вы что, не слышали? Об этом уже все говорят.

Призывают и резерв, и молодых – всех. Но он же совершенно негоден, он не умеет воевать...

Онго медленно нажала на кнопку отбоя.

Сури ей не поможет. Ему сейчас самому впору искать помощи. Но если ему это и удастся, ей, во всяком случае, он помочь уже не сможет.

А что, если...

Но она не успела даже сообразить – если что. Потому что за ними пришли.

Их никуда не повезли; просто развели тут же, в этом самом корпусе, по палатам.

В коридоре солдат, охранявший выход на этом этаже, внимательно посмотрел на Онго, когда она проходила мимо, улыбнулся и подмигнул. Она отвернулась. Не до улыбок было ей

сейчас; непонятная неизвестность тревожила, не давала ни на одной мысли сосредоточиться. Какие уж тут солдаты...

В двухместной палате вторая койка была еще не занята, и Онго даже не знала, радоваться или печалиться тому, что эту ночь она проведет в одиночестве, – ни посоветоваться с кем-то, ни просто пожаловаться на судьбу. Боялась, что не сможет уснуть – то ли от волнения, то ли просто от злости. Однако неожиданно для себя самой вдруг канула в сон; похоже, волнения этого дня оказались чрезмерными, но не исключалось и то, что в вечерний сок ей подсыпали снотворного. Так или иначе, Онго уснула. А проснулась вовсе не потому, что выспалась.

Это был солдат – тот самый, что обещал ей что-нибудь придумать. Сейчас он был – насколько можно было разглядеть в слабом свете, падавшем из коридора через стеклянную дверь, – без оружия и даже в расстегнутой куртке: наверное, сменился на посту и теперь располагал временем. Он и разбудил Онго тем, что откинул тонкое больничное одеяльце и, присев на край койки, положил руку на ее бедро, теплое под длинной, больничной же рубашкой.

– Ты что? – Спросонок она не сразу пришла в себя. – Ты... ты зачем?..

– Ты же меня просила, – ответил он громким шепотом. – Да не ори так – сестра услышит!

Только сейчас она вспомнила.

– Ну, ты придумал? Выпустишь меня?

– Обещал – значит, сделаю.

Онго хотела вскочить, одеться для побега. Взяв за плечи, он удержал ее в постели:

– Куда разогналась – приткая!

– Ты же сказал...

– А я что – даром обещал все сделать? Онго на мгновение растерялась:

– У меня мало совсем... Но я достану, принесу тебе, отдам!

– Деньги? Ну вот еще! Стал бы я...

– Не поняла...

Поняла на самом деле, но надеялась, что вывернется как-нибудь. Руки его, однако, показали, что ее слова его мало интересуют.

– Не смейся, – сказал солдат. – Времени мало. Подвинься-ка.

– Не хочу!

Он на миг приостановился:

– Дура! Ты хоть знаешь, что с вами со всеми будет? Сказать?

Ей просто необходимо было знать это.

– Конечно!

– Тогда давай.

– Да иди ты!

Он проговорил, едва не касаясь губами ее ушей:

– Зря не хочешь! Ведь последний раз в жизни. В твоей.

Онго не поверила:

– Это как?

– Скажу. Только раздвинь видимые горизонты. "Не смешно, – подумала Онго. И ощутила его руку там, где – ну, как говорится, дальше некуда было. – Господи, вот пристал. Ну не хочу я, не хочу изменять Сури, вообще ничего не хочу..."

Так думала она, одновременно спрашивая:

– Скажешь? Не обманешь?

– За кого ты меня принимаешь!..

"Ну и тяжел! – только и подумала она. – И груб. Но... но... Совсем не то, что было вчера, но..."

И противно было, и нет. А главное – этот уверен был, не то что Сури...

Онго постанывала, сама того не замечая – отчего? Она не смогла бы ответить.

Долго как... Хорошо, что пружин нет в койке – не то лязг шел бы по всему этажу... Уже и не поймешь – мука это, или удовольствие, или еще что-то? Чем это от него пахнет? Казармой, что ли?

Чего у солдата хватало, так это силы. И когда он решил наконец, что полностью удовлетворен, Онго подумала: "Скажи он мне сейчас "Беги!" – хватило бы у меня сил подняться? Не человек, а бык какой-то безмозглый. Сури... Если бы сейчас тут был Сури..."

– Ну, получил свое? – спросила она, стараясь, чтобы вышло не слишком грубо. – Тогда я собираюсь.

– Да? И куда бы это?

– Домой. Ты же обещал.

– Ты всерьез? Я пошутил, понятно.

Впрочем, она и так была уверена, что обманет. Поняла вдруг – пока он трудился на ней. Но решила возмутиться. И заплакать. Что тут же и выполнила.

Это, кажется, на него подействовало. Он проворчал:

– Свой долг нарушать нельзя, хотя ты это еще узнаешь.

– Это как? Говори. Хоть одно слово сдержи! Ты же мужик!

Похоже, что ему и самому не хотелось остаться кругом прохвостом. А может, эта информация к его долгу не относилась. Во всяком случае, он быстро и толково объяснил Онго, что произойдет с нею и всем остальным, как он назвал, цветником.

Услыхав, она в первый миг ощутила ужас. А когда солдат уже ушел, она снова заплакала – теперь уже по-настоящему, над своей судьбой, которая, не успев расцвести, вдруг ломалась.

И лишь ближе к утру немного успокоилась. Потому что чем дальше, тем стыднее становилось ей оттого, что позволила какому-то солдату воспользоваться собою – и даже, кажется, ей самой это немножко понравилось.

Хорошо ли быть женщиной, если с тобой могут вот так поступить? Сейчас ей казалось, что не просто плохо, а отвратительно. И не подумалось, что ведь можно было не уступать. Вот мужики: веришь им, а получается дрянь. Может, и к лучшему будет то, о чем он ей рассказал?

Она все же уснула, так и не успев в этом разобраться.

* * *

Операционный зал клиники человеку со стороны мог показаться громадным: сорок восемь ростов на двадцать четыре – следовательно, площадь его составляла тысячу сто пятьдесят два квадратных роста. Если учесть, что на один стол со всей бригадой и сопутствующим оборудованием требовалось не менее шести квадратных ростов, то станет ясно, что в зале этом могло разместиться около двухсот столов, а совсем точно – сто девяносто два, как оно на самом деле и было. Правда, в обычное время использовалась хорошо если одна пятая часть этих столов – лишь один угол операционной; однако клиника эта, построенная недавно, с самого начала была рассчитана на Проект; такие же клиники были воздвигнуты в каждом более или менее заметном городе Свиры; подано это было общественному мнению как забота о народном здравии. Но вот наступили критические дни, и зал заполнился весь – и хирургами, на этот случай вызванными со всех концов округа, и пациентами. Сейчас на каждом столе оперировали, а те, кому предстояло через часок в свою очередь возлечь на ложе страданий, уже ждали, подготовленные.

Операция на всех столах делалась одна и та же; серьезная, но давно и до мелочей отработанная на трупах, и потому проходившая (учитывая ее сложность) быстро и успешно: девяносто два процента оперированных, по прикидкам, должны были выздороветь и стать готовыми сыграть свою роль в истории. Ну а остальные восемь – ну что вы хотите в конце концов: полного счастья, как говорится, не бывает, как и полного успеха тоже.

Вошедшему сюда могло показаться, что в зале, в котором одновременно работали более тысячи человек, царит тишина. На деле же было не так, потому что за операционным сто-

лом участникам работы волей-неволей приходится по ходу действия обмениваться какими-то репликами или хотя бы просто требовать очередной инструмент; вспомогательная техника тоже управлялась голосовыми командами: нажимать кнопки тут было бы некогда. Так что на самом деле в зале стоял непрерывный, хотя и негромкий гул; однако благодаря ухищрениям архитекторов и строителей шумок этот не растекался по всему залу, а поднимался куда-то вверх, к высокому потолку, где его могли бы слышать лишь находящиеся на смотровых галереях – куда, впрочем, в эти дни никого не пускали.

Зал работал, как хорошо отлаженный конвейер. Вот очередная операция благополучно завершена, последний шов наложен, все заклеено, минутная передышка, пока стол вместе с прооперированным укатывают на бесшумных роликах, а его место занимает другой, на котором пациентка уже под наркозом. И снова все сначала: подключение датчиков, разрез, еще один и еще; осторожное, хотя и без промедления, извлечение всего, что должно быть извлечено, пересечены сосуды и нервы. То, что изъято, тут же укладывается материальным врачом (смешное название, правда? Но точное: этот медик и занимается только материалами – тем, что извлечено, и тем, что придет на замену). Быстро осушается полость, кровь сохраняется: она оперируемому еще понадобится. И вот команда этому самому материалисту: "Имплантат!" А все уже готово, осталось только вскрыть контейнер (секундное дело) и передать оператору. Вот и это сделано. Работа в области паха занимает большую часть времени: сорок минут, потому что много возни с включением новых тканей в нервную, кровеносную, лимфатическую системы. Теперь надо подняться выше; вот сделано и это. Пришла пора установления совместимости новых тканей; это в Сви-ре умеют делать уже лет шестьдесят. Беглая проверка, сестра пересчитывает инструменты. Вот согласование тканей завершено – можно шить. Это была вторая операция; после нее участникам полагается десятиминутный отдых, через десять минут они, сменив накидки и перчатки, снова окружают новый стол, и отсчет времени начнется заново.

Тут, кстати, неизбежно возникает вопрос: если счет идет на сотни, а еще вероятнее – на тысячи и десятки тысяч, а кампания такая проводится впервые, то откуда берется такое количество этих самых "новых тканей", как мы (из чистой деликатности) называем имплантируемые органы? Что это: искусственное? Из пластика? А если нет, то откуда? Не от обезьян же!

Нет, конечно. Просто-напросто из холодильника. Умение сохранять ткани в полной боевой готовности годами и десятками лет насчитывает тут уже столетие, если не больше. А возникли и пошли на сохранение эти материалы двадцать лет тому назад, после окончания очередной войны. Тогда нужно было срочно наращивать народонаселение. То, что война изрядно повыбила мужское поголовье, – это беда, конечно, но жизнь заставляет и несчастье использовать, по мере возможности, на пользу нации. Павших во время войны хоронят, как известно, быстро и без соблюдения особых ритуалов: на это найдется время потом, задним числом. И, естественно, никакого разрешения у родных, которые пока еще ничего не знают, не испрашивают; просто перед тем, как предать павших земле, у них изымают все, что впоследствии может еще поработать в другом организме. Изымают и сохраняют.

Вплоть, кстати, до спермы; но будем считать, что я этого не говорил, а вы не слышали. В ту войну – Сто восьмью – народу полегло достаточно; и, к чести науки, следует признать, что все изъятые у них сохранились отлично, отправленное после необходимой обработки на холод, чтобы вот сейчас, через двадцать лет, ткани вновь включились в процесс жизни; уже с другими хозяевами, правда, но отторжения нет, и возвращенные к нормальной деятельности органы чувствуют себя вполне нормально.

А то, что вырезано сейчас, в целостности и сохранности отправляется в те же холодильники, на освободившиеся места, и там медики-материалисты станут непрерывно и бдительно наблюдать за их сохранностью: известно же, что придет новая пора, и они могут понадобиться государству для изменения демографии в противоположном направлении.

Таким образом, нам удалось одним глазом заглянуть туда, куда как раз сейчас везут на очередном столе-каталке знакомую нам Онго. Правда, сама она этого не увидит: уже спит, а когда проснется, то окажется уже в совершенно другом месте – в отделении выхаживания.

* * *

Какая-то часть жизни, похоже, прошла мимо Онго; во всяком случае, так ей казалось, когда она, придя в себя и не сразу сообразив, что лежит на больничной койке, окруженная всякими трубочками, проводами и приборами, попыталась вспомнить – как же она сюда попала и зачем. Но так сразу ничего не пришло на память. Последним, что ей сейчас вспоминалось, было, как они с Сури вчера – точно ли вчера? – сделали то, чему уже давно пришла пора. А вот что случилось с нею потом, никак не оформлялось. Нет, то, что с ними случилось, причиной быть никак не могло. А что же? Что же? Что?

Мучительно напрягая память, Онго между тем начала понемногу ощущать свое тело, которого сначала как будто совсем не было. Оказалось, что тело при ней, никуда не девалось; это было хорошо. А вот то, что вместе с ощущением тела пришла и боль – куда хуже. Однако с болью, как она знала, можно справиться: как только она из общей, рассеянной перейдет в какое-то одно или два места, надо будет сосредоточиться на ней и стараться потихоньку вывести ее за пределы тела; тогда она если и не погаснет совсем, то намного уменьшится, и жить сразу станет легче. Итак, нужно прежде всего понять – где же источник боли, ее центр, глаз урагана.

Еще не рискуя пошевелиться, Онго начала осторожно напрягать мускулы рук – сначала левой руки, потом правой (от этого боль не усилилась, хотя и не уменьшилась, но мускулы ей повиновались), затем – ног, вслед за этим слегка повернула голову – в одну сторону, в другую; нет, все подчинялось ей, источник боли был где-то в другом месте. Она попыталась напрячь мускулы живота, брюшного пресса; благодаря постоянной гимнастике тело ее было хорошо развито и она умело им владела. И вот тут началось.

Как будто взорвалось – не в желудке, а ниже, ниже, взорвалось и вспыхнуло, и пламя хлынуло по всему телу, по мышцам, сосудам и каналам; она даже вскрикнула от неожиданности и силы, с какой боль проявилась снова, и застыла в неподвижности, ожидая, пока боль если и не утихомирится совсем, то хотя бы успокоится настолько, что можно будет снова начать вспоминать и думать.

Теперь ее уже не интересовало, что с ней случилось и как она сюда попала. Главным было – справиться с болью, все остальное откладывалось на потом. Теперь она достаточно точно знала, где угнездилась боль: в нижней части живота. Неужели... неужели то была расплата за то, что они с Сури сделали?

Возмездие за близость, за любовь? В ее возрасте она успела уже послушаться всякого об этих материях, считала, что теоретически хорошо подготовлена; но о подобном никто ей не говорил. Да, это сопровождалось вначале болью – но то ощущение никак не сравнить было с тем, что испытывала она сейчас. Однако источник боли располагался там же. Что же это могло быть такое?

Медленно-медленно, чтобы не вызвать нового пароксизма, Онго приподняла под одеялом правую руку, и ее ладонь начала медленно скользить по животу, направляясь к источнику боли. Кожа чуть выпуклого живота стала, показалось ей, немного более шершавой – не было той атласности, какая всегда радовала ее раньше. Но это, конечно, не страшно, за кожей нужен уход, только и всего. Ниже, ниже... Оо!

Это был шов, кончики пальцев распознали его почти сразу. Едва прикасаясь, Онго все же определила его форму: полумесяц. Не очень грубый, но раньше-то там вообще ничего подобного не было! Ее оперировали? По какому поводу? Она ведь была совершенно здорова еще... еще вчера!

Постой, постой. Что-то ворохнулось в памяти: словно бы вчера еще что-то с нею произошло? Какие-то обрывки мельтешили: ночь... мужик какой-то... и она с ним? Бред, скорее всего. Или правда было? Но какое отношение имеет это к тому, что она переживает сейчас? Что же случилось вчера?

Если, разумеется, это было действительно вчера. Впрочем, теперь уже не казалось важным – когда с нею что-то произошло; главным стало – что же с нею сделали, почему и за что?

Шрам был болезненным, но в пределах терпимого. И пальцы ее осторожно, миллипал за миллипалом, заскользили ниже. Наткнулись на колкое местечко: там все было выбрито. Ну, это понятно и не страшно. Главная боль была уже где-то рядом, совсем близко. Онго подвинула ладонь еще ниже...

Что такое?

Там оказалось нечто чужое. Теплое, упругое, но ей не принадлежавшее и в то же время отозвавшееся на прикосновение, как если бы оно было частью ее собственного тела.

Она, конечно, поняла, что это такое. Но этого никак, никак не могло быть у нее! Это было совершенно немыслимо! Нет! Нет!

А болело внутри, где-то как раз над этим самым – нововведением – это словечко пришло ей в голову, и она невольно усмехнулась.

С болью надо было что-то сделать, переносить ее не было совершенно никакой возможности. К счастью, обучаясь на агра-пилота, она, кроме других полезных знаний, усвоила и приемы борьбы с болью; пилотам Приходится встречаться с нею не так уж редко. Медитация – вот что сейчас ей поможет.

Непродолжительная, но достаточно глубокая. Отвлечься от всех мыслей, от обиды, недомыслия, попыток что-то вспомнить; уйти в пустоту, где боли нет и не может быть...

Минут, наверное, через десять она вернулась к действительности; боль за это время пусть и не исчезла со- всем, но сделалась вполне терпимой.

Онго почувствовала, что больше не может и не хочет лежать. Возможно, потому, что вместо боли в ней вспыхнул гнев; неизвестно, на кого, но сильный гнев, скорее даже ярость. За то, что осмелились с нею сделать – даже не поинтересовавшись ее согласием.

И этот гнев как будто сорвал занавеску, скрывавшую от нее то самое недавнее прошлое, которого она только что никак не могла вспомнить.

Вот, значит, что такое проект "Метаморф". И солдат – да, вот именно, это был солдат, который хотел переспать с нею – и так и сделал, – солдат этот, выходит, не соврал, когда шепотом поведал о том, что произойдет с нею наутро.

"В последний раз", – сказал он. Значит, то и правда был последний раз ее женского самощущения?

Ну, самоуправцы проклятые!..

Встать Онго мешало множество проводов – оказалось, что на ее тело наклеплено множество датчиков, исправно доносивших приборам о ее состоянии. В два рывка она сорвала с себя всю эту дребедень и рывком встала с койки.

Пошатнулась: почувствовала, что очень слаба. Удивилась тому, что новое приобретение почему-то не мешает, хотя раньше она относилась к мужчинам с некоторым сожалением: таскать на себе такие придатки, да еще не в самом удобном месте! Сейчас подумала об этом мельком и тут же отвлеклась: сильно кружилась голова, и пришлось снова сесть на койку; хорошо еще, что можно было удержаться в сидячем положении. И еще лучше, что никто не мешал... собственно, чему не мешал? Да чему угодно.

Но сорванные датчики, похоже, давали информацию не только на ту аппаратуру, что располагалась в палате, но и куда-то еще – на сестринский пост, наверное. И Онго еще не успела собраться с силами, чтобы вновь попытаться встать, как в распахнувшуюся дверь уже вбежали двое. Первой была сестра, зато второй – мужчина – оказался не врачом, как следовало ожи-

дать, а военным, судя по мундиру с какими-то цветными значками на воротнике. Он показался Онго знакомым. Постой-ка... Тот самый, что ночью? Он, он! И с другой уже? Странно, но она ощутила обиду. Вот наездник! Лихой парень, ничего не скажешь.

Ей невдомек еще было, что время женских обид прошло навсегда.

А вызвана обида была тем, что и солдат, и сестра были непосредственно перед появлением в палате явно заняты чем-то другим – судя по тому, что оба они покраснелись и глубоко и учащенно дышали; солдат на ходу застегивал куртку, сестра же не успела привести себя в порядок, и не только халат ее был нараспашку, но и кофточка под ним расстегнута донизу, а поскольку под нею ничего больше не было, округлые груди ее оказались совершенно открытыми постороннему взгляду.

Онго невольно взглянула на них, привычно сравнивая со своими. А в следующие мгновения ей пришлось пережить нечто совершенно неожиданное.

Оказалось, что новое ее приобретение способно вести себя самостоятельно, без ее воли и участия. При взгляде на голые груди сестры Онго внезапно ощутила сильное напряжение внизу живота – там именно, где только что испытывала боль; напряжение все усиливалось; она, невольно испугавшись, опустила глаза, и увидела...

Не она одна. Солдат загоготал оглушительно и немелодично, словно гогой заржал, сестра же смутилась и поспешно запахнула полы халата. Состояние Онго между тем продолжалось, она не могла бы ни назвать его, ни определить, но невольно сделала шаг вперед – по направлению к представительнице больничного персонала. Головокружение остановило ее – иначе трудно сказать, что Онго захотела бы сделать.

А солдат-любовник заговорил с Онго, и не деликатно, как, наверное, сделал бы врач, а резко, даже грубо, по-военному:

– Мужик, вот теперь сразу видно, что мужик: не успел в себя прийти, и сразу захотел на бабу. Так держать, Онго, бабские придури отставить! Всегда веди себя как мужик! Даром, что ли, тебя наградили всем прибором? Вот и носи его с честью. И не забывай того, чему я тебя ночью обучал. Жаль, что тебя так сразу – я бы и еще провел с тобою практические занятия. Значит, оклемался?

Слава Творцу. Еще недельку покантуешься, подкормят тебя гормонами и прочим – и хватит, Онго Ру, в строй, поскорее в строй, там твое место пустует, а страну надо защищать – и тебе, солдат, придется этим заняться!

Глава 2. СОЛДАТ ОНГО РУ

С темнотой перестрелка на клине Ком Сот стихла, улкасы, наверняка оставив, как обычно, на деревьях меткачей-"дятлов", сейчас отползали, чтобы, перегруппировавшись, часа через два повторить попытку прорыва где-нибудь в другом месте: горцы нюхом чувствовали, где есть слабина, а где – нет, и никогда не лезли на рожон, но после разведки боем, если успех не обозначался, уходили искать другое место, возможно, более уязвимое. Преследовать их в темноте означало терять людей попусту, и от такой лихости давно уже отказались: она хороша была только для докладов наверх, но не для статистики потерь. Сейчас квадрат-воин Мери, выдвинув посты и выслав ночную – с приборами – разведку для уточнения: действительно ли противник отошел, а также для охоты за «дятлами», чтобы поменьше перестука шло с деревьев, после которого у санитаров прибавлялось работы, разрешил ужинать и отдыхать, выставив дневального в каждом взводе.

Солдат второго класса Онго Ру, второй номер в расчете тяжелого пулемета СКТ (Скорострельный крупнокалиберный тригговый), как и весь расчет – шестеро, – поужинал всухомятку: кухни, как всегда, застряли Арук знает где, поварская братия не любила передвигаться в светлое время, а после того как в соседнем квадрате кухня попала в засаду и никто из ее состава не выжил (улкасы даже варевом не воспользовались, выражая свое презрение и отвращение, вылили все на землю и смешали с песком и хвоей), повара стали проявлять прямо чудеса изобретательности, находя каждый раз новые (и правдоподобные!) объяснения того, почему не смогли доставить обед (ужин) на передовую; повара все были воины категории Г, так что серьезно спросить с них у начальства рука не поднималась.

Правда, сухой паек они привозили полной мерой, не скупились, тем самым как бы заранее давая понять, что в следующий раз раньше, чем через сутки, не появятся. Сухомятка сейчас была – консервы из полорогого фарга и сутовые галеты; консервы можно было бы и подогреть – однако пользоваться походными примусами (имевшимися у каждого солдата в ранце), не говоря уже о разведении костров, капитан запретил раз и навсегда: улкаские "дятлы" били по всякому проблеску, даже по сигаретному огоньку, прицелы у них были первоклассные – свирские, понятно, и последних моделей, – какие здесь далеко не до каждого квадрата еще дошли.

Солдаты привычно ругали тыловых воров, которые на каждой войне сколачивают немалые состояния, грозились когда-нибудь да добраться до них, но это еще когда будет... Пока же приходилось курить в рукав или в ямку, вырытую для этой радости, накрывшись поверх для верности черными пластиковыми плащами, под которыми спасались обычно от дождей; хватало такого плаща недели на две – не иначе, как и тут не обошлось без воровства.

Галеты отсырели – вода сегодня так и висела в воздухе, хотя до настоящего дождя дело не дошло. Ничего, влажным комком легче было досуха вытереть банку изнутри, чтобы ни крошки не пропало. Этим и занимался сейчас солдат Онго Ру и жевал чисто механически, не ощущая ни голода, ни сытости, думая в это время совсем о другом.

С той поры, как с девушкой Онго произошла известная нам перемена, прошло уже два с лишним месяца. Первый из них она – да нет, тогда уже "он", только очень трудно было к этому привыкнуть, – он провел среди себе подобных, среди метаморфов – таково было их официальное название, хотя в разговорном обиходе все поголовно пользовались другим словечком: обертыши. Уже не в клинике, но еще и не в казарме; то был своего рода летний лагерь, где их продолжали долечивать и физически, и – главное – психически: чтобы поменьше думали о своем прошлом и побольше – о настоящем и о ближайшем будущем.

Первые дни там прошли тяжело; все держались по-одиночке, неприятно было даже смотреть на себе подобных, а если уж общения было не избежать – на занятиях, скажем, или в столовой, – то оно ограничивалось нервным хихиканьем и почти нечленораздельными междоме-

тиями. Сначала в состав этой группы включили и пару дюжин природных мужиков – из числа солдат и подофицеров: рассчитывали, вероятно, что их пример поможет вчерашним женщинам ощутить себя представителями сильного и воинственного (как продолжали по привычке говорить) пола. Не получилось: слишком влиятельным было еще женское начало у измененных, и появление природных мужчин стало оказывать на них, напротив, расслабляющее действие, а не то, какого ожидали.

Мужчин срочно убрали. Но начальство оказалось, как всегда, умнее – специалисты понимали, что время лечит (и медицина с психологией, разумеется, тоже), так оно и получилось – тем быстрее, чем активнее отрастал на щеках сначала юношеский пух, а потом и нормальная мужская щетина. Брились вначале украдкой друг от друга, но быстро привыкли.

А потом наступил неизбежный перелом, подсознание утвердилось в том, что назад пути нет, и самое лучшее – действительно забыть, какой ты была женщиной, и думать только о том, каким становишься и каким станешь мужчиной.

Сыграло роль и то, что было в этой группе в две сотни человек и несколько таких, кто еще в бытность женщиной страдал от этой своей сущности, то ли претерпев горькую обиду именно по своей женской части, то ли у них с гормонами изначально все было не совсем нормально. Эти, хотя и немногие, воспринимали происшедшее с ними как волшебный подарок судьбы, громко (и не без оснований) кляня свое прошлое, и это воздействовало на прочих куда сильнее, чем все силлогизмы начальства – и медицинского, и военного.

Так что понемногу новоявленные мужчины входили в новую роль – вплоть до того, что начались самовольные отлучки в недалекое селение, где еще оставались девушки, отлучки по совершенно мужской причине. Начальство за это выговаривало, но серьезных наказаний не было, в глубине души врачи и командиры были этим довольны: нормальный солдат и должен мечтать о женщинах и при первой же возможности стараться осуществить свои желания. Однако вскоре несколько метаморфов достаточно серьезно пострадали во время свирепой драки с поселковыми мужиками, от войны откосившими в качестве ценных специалистов, – драки тем более яростной от того, что метаморфов обзывали всякими очень обидными словами; влияло на драки и то, что девушек там оставалось совсем немного: большинство их своевременно получило такие же повестки и теперь, надо думать, вечерами шастало в другие населенные места где-нибудь в другом конце страны.

После того как возникли такие осложнения, начальство стало решать проблему всерьез: боевой пыл надо было беречь для встреч с врагами, а не с мужьями, отцами и еще не поставленными под ружье братьями.

Так вчерашние девицы потихоньку превращались в мужей не только по первичным признакам, но и по образу мыслей и действий. Тем более что война уже шла, пока – без решающих успехов ни с той, ни с другой стороны, топтались все там же, где и начинали, и никак не могли выйти на оперативный простор улка-сы, и никак не могли подготовиться к решающему контрнаступлению по ущельям свиры; и дело явно шло к все большей затяжке, так что стало уже совершенно ясно: без них, метаморфов, война не обойдется; а раз уж это им суждено, то пусть будет поскорее, во всяком деле ожидание – самый тоскливый и неприятный этап.

Стали стараться, и вместе с изменениями физиологическими менялась внешность, походка, словарь обогащался за счет более крутых оборотов, манеры делались резче, грубее. Но, как и всегда и во всем, у кого-то это получалось лучше, у кого-то – хуже, были свои лидеры и свои отстающие.

И Онго устойчиво находился среди последних.

Не то чтобы он старался саботировать – это было бы просто глупо хотя бы потому, что всем с самого начала было известно: обратного пути нет, изменить пол можно только один раз, и делать обратную операцию не возьмется даже самый жадный до денег врач (а на деле не врач был нужен, а целая команда, хорошо сработавшаяся и имеющая в своем распоряжении

всю необходимую технику и базу для последующего выхаживания), и не возьмется в первую очередь потому, что в случае раскрытия хотя бы одного факта оператору, как и организатору и всем прочим, грозили такие сроки, что сколько бы ни платили – риск оставался неоправданным; тем более потому, что с любым капиталом бежать из страны было некуда: для улкасов медики этого профиля были самыми большими преступниками против Творца, и смерть ожидала таких не легкая, как, скажем, солдата, но тяжкая, очень тяжкая. Что же касается виндоров, морского народа, то теоретически можно было бы, конечно, затеряться на одном из бесчисленных островов множества архипелагов: виндоры, свободный народ, никого к себе не звали, но никого и не выдавали, так что уцелеть там можно было. Но зачем? Цивилизация виндоров отставала от свирской, по мнению специалистов, на века, и чем вести такой образ жизни, какой у них считался нормальным – в сырости, часто в холоде, есть постоянно одну только рыбу и моллюсков, общаться с женщинами, от которых этой самой рыбой несло за версту, – нет, чем такая жизнь, лучше было сидеть в своем благоустроенном доме и не зариться на большой приработок. Итак, пути назад не существовало; но и то, что ждало впереди, как-то не очень радовало.

Дело, наверное, прежде всего было в том, что Онго воспитывали именно по-женски – как будущую жену и мать; с самого детства внушали (семья была законопослушной и патриотичной), что родилась она в поколении матерей, как оно на самом деле и было, и ее идеалами в будущем должны быть любовь, семья и дети.

А об остальном думает и всегда будет думать само государство.

Государство и подумало – но как-то не так. И теперь все эти идеалы надо было зарыть глубоко в землю или сжечь и развеять пепел по ветру, а на освободившемся месте выращивать другие: воинственность, образ жизни перекати-поля (во всяком случае, пока идет война), жесткость и жестокость и все такое прочее. Онго бы с радостью, но глубоко укоренившееся прошлое не хотело освобождать территорию. И Онго страдал от того, что кожа его грубела, что опадали такие красивые, пусть и небольшие, тугие груди, а больше всего по той причине, что до сих пор не хотела умирать любовь к Сури – чувство, о котором Онго с самого начала знал, что оно единственное на всю жизнь. Чувство и непонятно где все еще живущая память о той единственной близости, что у них была: слова, прикосновения, движения – все, казалось, уже совсем погасшее, вспыхивало заново по самому пустяковому поводу (то местечко, где устроили привал, показалось очень похожим на то, где они тогда любили друг друга, то кто-то издал на миг показался вдруг похожим на Сури профилем или жестом), вспыхивало мгновенно, а вот затухало очень и очень медленно, а когда, кажется, совсем утихало, приходила вместо покоя боязнь, что оно вот-вот взорвется снова.

То было страдание, иначе не назовешь, и не было способа от него избавиться, а если и был, то Онго его не знал. Делиться же своими переживаниями Онго ни с кем не хотел – и, надо полагать, правильно делал.

Однако Военным Министерством всякие душевные тонкости и неурядицы во внимание не принимались, не это было его задачей. И по истечении месяца, пусть и среди последних, Онго был признан в куб – такое название носила основная тактическая единица в армии свиров – четыре ромба, в каждом ромбе – четыре квадрата, в квадрате – четыре трига, в котором в свою очередь – три линии, а линия (или дюжина) – это низшее подразделение, как правило, из двенадцати бойцов, считая с командиром, и вопреки своему названию могла при случае состоять и из шести, а если надо – даже из двадцати солдат. Онго в результате своего углубления в военную структуру сначала попал в квадрат солдатского обучения (это случилось два месяца тому назад и был обучен сперва как общий стрелок, после чего был признан готовым к несению службы и передан в треугольник специализации (две с лишним недели), где, убедившись в почти полном отсутствии у него лидерских, да и вообще воинских, способностей, его

превратили в подносчика патронов и уже в этом качестве сплывали в линию тяжелых пулеметов, в которой он сейчас и находился, а пошла тому уже вторая неделя.

И в этой пулеметной линии, а точнее, во втором триге, в состав которого входила линия, Онго вдруг почувствовал, что начинает оживать. Но это вовсе не значило, что он наконец-то превращается в настоящего солдата – такого, каким хотело видеть любого из них начальство: смелого, инициативного, ловкого, меткого и так далее. Дело обернулось как раз противоположным образом.

А началось это обращение в то мгновение, когда к тригу вышел только что прибывший, вновь назначенный вместо убитого улкаским "дятлом" командира, флаг-воина, новый командир – квадрат-воин Мери.

Стоя в немногочисленной шеренге, выстроившейся позади сложенных на траву ранцев, Онго, едва увидав вышедшего к ним из землянки капитана, вздрогнул и почувствовал, как все сильнее начинает кружиться голова.

Он понял также, что именно здесь он никогда не сможет избавиться от тех реликтовых чувств и ощущений, какие до сих пор причиняли ему боль.

Дело было в том, что капитан Мери оказался очень похожим на Сури.

Нет, его ни в коем случае нельзя было назвать двойником. Мери был старше, обладал более рослой и мощной фигурой, и лицо его было не того нежно-розового цвета, каким отличался Сури, но скорее коричневого – от загара и ветров, каким неизбежно подставляет себя всякий, воюющий в поле, а не в штабе.

И голос его был не деликатно-нежным, а громким, раскатистым и хрипловатым.

Но вот черты лица, поворот головы, взмах руки – все это было, как показалось Онго, один к одному. И главное – глаза. Мери словно позаимствовал их у Сури – такие же большие, темные, почти черные, бездонные; на суровом солдатском лице они выглядели чуждыми, принесенными из какой-то другой жизни, но они были, и это казалось чудом. А кроме того – при такой видимости, какая была в тот вечерний уже час, – капитана уже в десяти шагах можно было принять за Сури. В первый миг с Онго так и случилось, и он чуть не вскрикнул от счастливого изумления – что, безусловно, не получило бы одобрения, ибо в строю кричать следует "Орро", а не "Ох!".

И чувство, как две капли воды похожее на любовь, снова вспыхнуло в его душе – на этот раз очень высоким и жарким пламенем.

Онго понял вдруг, чего ему не хватало все эти месяцы. Не комфорта, не сытости, не... Ему недоставало любви. Любви не к воспоминанию, а к реальному человеку, которого можно видеть, слышать, обонять... Где-то в глубинах подсознания Онго женское из последних сил боролось с мужским, и сейчас трудно было даже определить – к мужчине то должна быть любовь или к женщине. Любовь просто была необходима.

И вот теперь он ее получил. Здесь. Где ничего подобного нельзя было ожидать – во всяком случае, по его представлениям о войне.

С этого мгновения для него началась другая жизнь.

Новое чувство настоятельно требовало действий. Оставайся Онго по-прежнему женщиной, он нашел бы способ быстро обратить на себя внимание капитана; даже искать не пришлось бы: все нужное для этого совершалось бы инстинктивно, само по себе. Но то, что естественно для молодой девушки, никак не подходило для солдата второго разряда, не говоря уже о том, что Онго сейчас просто не смог бы сделать ничего подобного хотя бы потому, что уже не умел этого: почти во всех внешних проявлениях в нем уже господствовал мужчина, и надо было очень внимательно присматриваться, чтобы заметить не совсем еще исчезнувшие крохи женственности. Нет, женский путь для него более не существовал – и, значит, следовало поступать по-мужски.

А мужским путем обратить на себя внимание командира значило выделиться из прочих своими солдатскими добродетелями. Онго успел уже заметить, что хороший солдат – а в условиях войны это определение включает в себя очень многое – пользуется некими правами и преимуществами, хотя и не записанными ни в одном уставе, но очень хорошо известными здесь всем и каждому. И чтобы иметь возможность хотя бы общаться с капитаном не по-уставному, надо было эти права заслужить.

Потому что Онго пока, с его небольшим ростом, не очень внушительной для мужчины фигурой и характером, в котором почти совершенно отсутствовала агрессивность, если и выделялся на общем фоне, то никак не в лучшую сторону.

Принесенные из прошлой жизни инстинкты заставляли его заботиться о своей безопасности и бояться вражеских пуль больше, а главное, заметнее, чем получалось это у других солдат линии. А во время боя Онго стремился первым из подносчиков занять место позади ведших огонь номеров, а не в стороне; там надо было самому окопаться, а тут от встречного огня защищал не только массивный щит, но и тела наводчика и его помощника, работавших непосредственно за пулеметом. Таким образом, он вроде бы располагался ближе остальных к патронному пункту, где в окопчике находились коробки с новыми лентами, – и тем не менее не спешил первым сползть туда и обратно, чтобы пулемет не испытывал голода.

Быстрее него это делали другие. Такое не проходит незамеченным, в бою каждый виден насквозь и ничто не ускользает от внимания соседей; так получалось и с Онго, и уже вскоре общим мнением стало, что солдат он никудышный, а потому – не жилец: известно, что трупов убивают первыми.

Так прошла первая неделя его пребывания на новом месте – в боевой линии, под огнем. Именно столько времени понадобилось ему, чтобы понять, каков тот единственный путь, которым он мог приблизиться к избранному им человеку.

Были и другие сложности. То, что делало его плохим солдатом, заставляло других обратить внимание на иные его качества. Мужчина остается собой и на линии огня, где все инстинкты не только не приглушаются, а напротив – обостряются. Это учитывается в каждой армии – и в свирской, разумеется, тоже.

Однако проявлению по меньшей мере одного из этих инстинктов существенно мешало некое обстоятельство: в этой армии женщин не было, их к ней и близко не подпускали, все по причине того же Двенадцатого завета. Но это не уничтожало проявлений инстинкта, а лишь вносило коррективы в состав партнеров. Из двенадцати (нет, теперь, увы, только из десяти) солдат линии, где служил Онго, кроме него, было еще трое метаморфов. Видимо, все они были как-то легче уязвимы с этой точки зрения; во всяком случае, уже в течение этой первой после их прибытия недели стало заметно, что образовались три пары – их с беззлобной усмешкой называли "супругами", а одна из этих пар уже на следующий день превратилась в трио: к ней присоединился сам линейный, то есть командир линии, младший подофицер. Метаморф, игравший роль супруги, не возражал; возможно, это шло от опыта его женской жизни.

Начальство от мала до велика обо всех этих делах, разумеется, знало, но ни одним уставом подобные отношения не запрещались, и все понимали, что люди есть люди, так что на это даже не то чтобы смотрели сквозь пальцы, на это вообще не смотрели. Единственное, но, что было возведено в ранг неписаного закона, – это в бою никому никаких скидок, ты солдат – вот и вой, как солдат, а в минуты затишья – сами, ребята, разбирайтесь. Вот такой была обстановка; и Онго, четвертый из метаморфов, тоже быстро ощутил на себе внимание коренных мужчин, за которым последовали попытки к сближению, а затем и откровенное предложение, где главным аргументом служило: "тебе же тоже хочется, разве не видно?", а затем и "ты что – лучше всех хочешь быть?". Трудно сказать: Онго, может быть, и уступил бы давлению, если бы каждый день не удавалось хоть раз, хоть краешком глаза увидеть квадрат-воина Мери; пока он был – никого другого для Онго и существовать не могло.

Именно с этого приставания и началось второе превращение Онго, на сей раз – из труса в солдата. Он понял, что лишь таким путем он сможет не только выполнить главное свое стремление, но и отделаться от приставал: отсохнут, когда увидят в нем солдата не худшего, но лучшего, чем даже самые мужественные из них.

И, стискивая зубы и заставляя себя, натирая на душе кровавые мозоли, Онго принудил себя измениться. Он перестал прятаться за пулеметом, стал чаще других доставлять к пулемету боеприпасы, и даже стрелять (а стрелять из личных автоматов и пулемета всем им приходилось: из автоматов – в бою, а из пулемета – в часы затишья, по мишеням, владеть оружием должен быть каждый) Онго начал сначала удовлетворительно, а потом и просто хорошо – зрение у него всегда было прекрасным, а теперь оказалось, что и рука достаточно тверда, и думать в условиях боя он может все быстрее и быстрее. Научился он и огрызаться, и повышать голос, и первый результат проявился почти сразу: к нему перестали приставать с тем, что можно назвать нескромными предложениями.

Квадрат-воин Мери, опытный командир, видел и понимал все, что происходило во вверенном ему триге. И действовал, причем достаточно своеобразно. Буквально за несколько дней лихих мужчин стали переводить в другие подразделения, а на их место прибывали метаморфы-обертвыши. И Онго, надо сказать, вздохнул с облегчением.

Вскоре расчет остался без второго номера. Нет, он не был ни убит, ни даже ранен. Убитым оказался наводчик соседней линии. Их второго номера сочли недостаточно опытным, наш же, начинавший службу еще в мирное время, успел побывать даже и линейным, но был в свое время разжалован за какие-то грехи – не самые страшные, надо полагать. Теперь срок минул, умения ему было не занимать, и он пошел на повышение: ему вернули первый солдатский разряд и он стал наводчиком и – все понимали – первым кандидатом в линейные и в подофицеры, как только возникнет вакансия, что на войне бывает слишком часто. И вторым номером здесь, на освободившееся место, командир три-га назначил ко всеобщему удивлению именно Онго. Вообще начальники не обязаны мотивировать свои действия, но на этот раз командир счел нужным пояснить:

– Он стреляет лучше вас всех, сукины дети. И шарики у него в черепушке крутятся быстрее.

При этом он улыбнулся, глядя на Онго. И Онго показалось, что содержалось в этой улыбке что-то такое...

Ему захотелось улыбнуться в ответ. Но он почувствовал, что улыбка, хочет он того или нет, получится слишком откровенной, и вся линия – стреляные воробы – это заметит и соответственно оценит. Но нельзя трубить победу до того, как она одержана. И Онго лишь скромно опустил голову – на секунду, а потом, вскочив, ответил, как и полагалось:

– Служу победе! И в первой же перестрелке, наутро, уже лежал справа за пулеметом, вовремя подавая ленты и следя, чтобы при стрельбе не было перекосов.

В этой должности он пребывал уже вторую неделю. Ничего интересного за это время не произошло. Улка-сы выходили на них четыре раза, но прорваться на равнину здесь так и не смогли. Свиры пока прочно занимали оборону, а когда пойдут загонять улкасов обратно в их ущелья – о том знало только высокое начальство. Если знало, конечно.

Но в обороне, когда у противника нет ни танков, ни авиации, ни крупнокалиберной артиллерии, да и тактических ракет не так-то много, жить вовсе не так плохо. Если бы еще кухни не боялись привозить горячее вовремя...

...Наконец Онго дожевал последнюю галету с остатком консервного мяса.

Вытер губы платком не первой свежести, правда, но нынешняя позиция была неудобна тем, что до воды было далеко и постирушка превращалась в проблему – только когда приедет мотобаня, а она раньше чем через неделю не появится. Таким образом, дела на нынешний вечер были завершены и следовало ложиться спать; солдатское умение спать в любое время

и в любых условиях, если обстановка позволяет, Онго усвоил одним из первых. Можно было спуститься в землянку, но там тесно и душно, а поскольку дождя сегодня не пророчили, Онго отошел к облюбованному местечку по соседству, под кустиком, куда уже были положены нало-манные ветки с листьями – для тепла и мягкости, разостлал плащ и собирался уже, вытянув-шись, накрыться шинелью и отключиться до пробудки или до тревоги, что было вероятнее: улкасы явно не могли уйти далеко, а судя по тишине, нигде по соседству попыток прорыва тоже не предприняли.

Однако прикорнуть не удалось: помешал связной из трига.

– Ру? К командиру трига, срочно. Мигом! И исчез, словно его тут и не было.

Онго почувствовал, как екнуло сердце и истома прошла по телу. Вскочил и побежал, подхватив шинель и автомат и на бегу приводя обмундирование в порядок.

* * *

В командирскую землянку Онго вошел, как и полагалось солдату: мигом ссыпался по ступенькам, в струнку вытянулся и доложил о прибытии. Все было по уставу, кроме только его глаз: горела в них сладкая обреченность, и только совершенно слепой человек мог бы не заметить, а заметив – не понять этого взгляда. Квадрат-воин Мери увидел, конечно, хотя в его обители стоял полумрак: аккумуляторная лампа была установлена на слабый свет. Он сидел за столом в расстегнутой куртке и, похоже, настроен был не совсем по-уставному; в ответ на воинское приветствие небрежно махнул рукой около виска и проговорил негромко, вовсе не командным голосом:

– Вольно. Оружие положи – надеюсь, не понадобится.

Онго поискал взглядом, куда прислонить автомат: вошло уже в привычку всегда иметь личное оружие не дальше, чем на расстоянии вытянутой руки. Капитан кивнул:

– Вон в пирамидку поставь – рядом... Рядом с моим – так следовало понимать это. Онго так и сделал, хотя в стойке были и другие свободные гнезда.

– Зачем я тебя вызвал – знаешь?

Онго проглотил комок. Знать он не знал, но чувствовал всем своим существом. Давно уже чувствовал. Долго ждал, так казалось ему сейчас... Он кивнул, но тут же спохватился: дисциплина требовала четкого ответа голосом, а не жестом:

– Так точно.

Голос получился хриплым и по-петушиному высоким. Мери улыбнулся:

– Отставить устав. Садись рядом. Вот сюда.

И командир подвинулся на лавке, стоявшей вдоль стола, освобождая место.

Онго сел. Глубоко вздохнул, совершенно отказываясь от своей воли и желаний. Пусть все будет так, как хочет он, чьи глаза ярко блестят сейчас в полутьме, неотличимо похожие на глаза Сури, первой любви... Но Сури – это было так давно, так далеко, так нереально...

Мери положил руку ему на плечо, и Онго почувствовал, какой мощный ток идет, какая энергия вливается в него сейчас. Вот-вот она переполнит его, и тогда – он сам не знает, что тогда может с ним случиться... Пальцы Мери коснулись шеи, ничем сейчас не защищенной, расстегнули верхние пуговицы куртки.

Онго сжимал пальцами рук собственные колени – иначе руки сами собой обхватили бы капитана, но здесь и сейчас начало было за Мери – как и всегда... А руки капитана были уже под курткой и под рубашкой, касались тела, и желание Онго становилось невыносимым.

– Мне раздеться? – прошептал он, невольно покосившись в ту сторону, где за задернутой занавеской помещалась, наверное, капитанская лежанка.

– Не спеши, – так же негромко ласково ответил Мери. – Я тебя давно заметил и тогда же почувствовал. Но не стал торопиться, чтобы не испортить всего. А эта ночь – наша, улкасы больше сюда не сунутся еще дня два, думаю. Так что есть время. Посидим сначала... познакомимся. Я ведь правильно угадал – ты не против отношений?

На этот раз хватило и кивка: уставное общение более не действовало.

– Давай-ка сначала расслабимся немного. Квадрат-воин, нагнувшись, вытащил откуда-то сзади фляжку, два алюминиевых стаканчика, пленочный пакет – с закуской, надо полагать. Отвинтил крышку. Пакет подвинул Онго:

– Похозяйничай.

Собственно хозяйничать было нечего: в пакете оказалась копченая утка, и всей работы было, достав кинжал, разделить ее пополам. Мери тем временем налил обоим.

– Не с Вазийских виноградников, но пьется легко. Да что тебе объяснять... Ну давай, по-солдатски: первую – за победу!

Во фляжке было то самое, что и солдатам полагалось по вечерам, для бодрости и здоровья, – разве что порции тут, у капитана, оказались побольше.

Первая была очень кстати: сняла с Онго лихорадочную дрожь предчувствия и еще какой-то страх, неизвестно откуда взявшийся, – оттого, наверное, что такого опыта у Онго все же не было. Мери же сразу налил и по второй:

– А эту – за нас.

Такой тост Онго поддержал с радостью. После второй рука сама потянулась за закуской; впрочем, капитан и тут начал первым.

– Только учти: воевать тебе от этого легче не станет. Наоборот. Ни от кого ничего не скроешь, и на тебя будут глядеть вдвое зорче, чем на любого другого. Скажу сразу: служба станет куда труднее. Так что сейчас имеешь право отказаться.

Но служба Онго уже не пугала: разобрался с нею, освоился и даже чувствовал временами, что засиделся во вторых номерах, и того больше: если бы сейчас пришлось покомандовать, скажем, той же линией – справился бы не хуже нынешнего подофицера, а может, и получше. Он усмехнулся, взбодренный выпитым:

– Службы не боюсь. Мери кивнул:

– Так и думал. Тебя из хорошей стали отлили, только снаружи покрыли бархатом.

Такой комплимент одновременно был и приятен – как-никак исходил он от старшего командира, – но и обеспокоил: не отвратят ли такие мысли капитана от того, что уже, можно считать, произошло?

– Я ведь обертыш, – сказал он, напоминая о своей первоначальной женской сущности.

Капитан Мери усмехнулся:

– Да ведь и я тоже через все это в свое время прошел.

– Ты был?..

– Был. Разница лишь в том, что я на такой оборот пошел добровольно: мне женщиной быть не хотелось, армия с детства влекла, а у нас с этим – сам знаешь, как: Двенадцатый завет чертов! Я как подумаю о нем, сразу такая злость ударяет в голову, такая злость!.. Ну что за идиотизм в самом деле, подумай только: женщин не подпускать и близко к оружию! Хочешь быть солдатом – иди под нож, чтобы тебе подвесили прибор...

У Онго невольно вырвался вопрос – хотя вроде бы совсем не то было настроение и ожидания:

– Думаешь, женщины могут воевать?

– Еще как! Я бы, например, из них отдельные триги формировал, квадраты и посылал в самые хитрые места. Именно хитрые: мы же – я о женщинах говорю-и хитрее, и выносливее, физически более одаренные, если только не говорить о грубой силе, пролезем, просочимся там, где даже лучшие коренные мужики станут ломиться с шумом и треском... Такие войска можно было бы формировать и без всякой медицины... А закончили воевать – и вот тебе готовые матери, сразу можно начинать восстановление поколения. А ведь из женщин-оборотней – бывших мужиков – чуть не половина оказывается неспособной рожать, да-да, это точно, попа-

далась мне такая статистика... И, кстати, мышление более подвижное у женщин, а на войне это вот как важно! Думаешь, почему из оборотней выходят такие командиры?

Хотя ты еще не знаешь о них, конечно, не дошло до тебя, а я вот знаю. Мы ведь сохраняем многое женское – пусть и растут у нас бороды, но все же... Женщины – авантюрные, если хочешь. И рисковее. И могут такую операцию задумать и провести, на какую коренной мужик никогда не решится – ему логика помешает, пресловутая мужская логика: дважды два. А вот для меня, например, в итоге вовсе не обязательно четыре, а ровно столько, сколько позволит обстановка. Эх, Онго, если позволит Творец довоевать живым – соберемся мы, такие, как я, собьемся в большую стаю и припррем к стенке Высокое Совецание: пора менять, пора все менять...

Меро сделал паузу, тяжело дыша, – видно, тема эта волновала его давно и всерьез, но не перед кем было выговориться, и вот только тут возникла такая возможность. Онго сидел тихо, не решаясь сказать ни слова, нарушить ход капитанской мысли, такой необычной (показалось ему) и важной...

– Вот сейчас хотя бы, – заговорил капитан снова. – Топчемся мы на месте, постреливаем в них, они – в нас, они рады бы прорваться, да мы не даем; ну а мы чего ждем? Вот ручаюсь: если бы у нас ромбом, а то и всем кубом командовал обертыш вроде нас с тобой, мы бы не такую задачу решали.

Обстановочка ведь любому солдату ясна: из ущелий улки не валят, хотя и могли бы. Почему только здесь? И почему вообще – здесь? Надо думать, тут они готовят какой-то камуфлет. Какой? Как они вообще сюда попали, если нормального схода тут нет, даже ни тропы единой? Загадка? Ну, а кто ее отгадывать будет? Разведка все проспала. Я уж не говорю об ССС – им только у себя дома подвиги совершать.

Некому этот ребус разгадать, кроме тех, кто уже тут, на месте, кроме нас. И вот я бы, например, вот тут, где мы стоим, оставил бы вчера, когда улки ломились, небольшую группу – от силы линию, ну, с пулеметами, а сам с остальными тихо, нежно обошел их по опушке леса – и туда, туда, откуда они пришли, по их следам, понимаешь ли, у нас в тригвых разведчиках прекрасные следопыты, здешний народ.

И пока они тут вели бы бой местного значения, я бы с тригом добрался до того места, где они сошли с гор и которое нам пока никому неизвестно. А ведь в горах у них сидит основная сила, чтобы при малейшем прорыве хлынуть оттуда и расплerkаться по нашей равнине, по раздолью – выбирай, какое хочешь направление... Вот обертыш так и сделал бы, но нет в армии ни одного из нас, кто не то что кубом, но хоть ромбом бы командовал. Формально мы все равны в правах, а на деле...

Меро помолчал, внутренне снова переживая, должно быть, такую несправедливость. Сильно потрянул головой, словно отгоняя все это.

– Ну ладно, так о чем мы говорили? Ага, да. Так вот, значит, я и пошел менять пол и служить, как только шестнадцать стукнуло – вот как тебе сейчас. Но тогда нас в армии было раз-два и обчелся. И потому в полевых войсках, где ближайшая баба за сотню выстрелов, нас сразу разбирали: не успел прибыть – шагом марш в постель. Да, и этот опыт у меня есть. Так что не бойся: обижать тебя не стану...

Онго влюбленно глянул на капитана:

– Не боюсь. Скажи, давно ты в армии?

– Двенадцатый год заканчиваю. Квадрат-воин, как видишь...

Тут настала пора задать вопрос, над которым Онго и раньше задумывался:

– В таком звании, а командуешь тригом. Всего лишь. Мог бы ведь и квадратом, и даже ромбом...

Перед тем как ответить, командир налил по третьей. Поднял:

– Давай – пусть все они сдохнут! – И только после этого объяснил:

– Нас, обертышей, начальство в глубине души не любит, хотя внешне этого стараются не показать: мы же равноправные солдаты, мужики, черт бы взял; а на самом деле придерживают везде, где только можно. Звания мне идут: срок приходит – и нет поводов, чтобы задержать присвоение: служу-то я хорошо, командую нормально, в боях у нас, сам мог заметить, в мое время потерь стало меньше, потому что командую разумно и солдат учу, как следует. А вот с должностями – тут четкие сроки не установлены, и всегда можно найти причину, чтобы продвинуть другого, из коренных мужиков. Последний раз даже такую причину нашли: триг мой – которым я до вас командовал – является, мол, образцовым, эталонным, и, чтобы он таким оставался, необходимо сохранять меня на этой должности. А чтобы я не гнал волну – послали сюда: пока воюешь, рапортов подавать не станешь. Хорошо хоть в нашей армии звания идут независимо от должности; так что со временем стану я и веркомом, а все буду тригом командовать. Ну ладно, хоть одно хорошее дело за это время успею сделать: выращу из тебя командира. У тебя к этому данные есть, но ты сам их еще не очень чувствуешь; ничего – помогу тебе раскрыться, понять самого себя...

Он умолк, через секунду-другую вздохнул:

– Ладно, хватит о службе. Успеем еще о ней наговориться. Не для этого же мы сейчас тут сидим.

И, протянув руку, выключил фонарик. В наступившей темноте Онго сразу почувствовал на себе руки Мери и с облегчением отдался его воле и желаниям. На лежанку не торопились – сидели, тесно прижавшись друг к другу, телом ощущая тело, разговаривали руками, тишину нарушало только шумное дыхание обоих, да Онго иногда невольно постанывал из-за сильного переживания. Наконец Мери хрипло прошептал в самое ухо:

– Теперь пора. Пойдем туда. Не бойся, больно не будет...

И первым вылез из-за стола – боком: скамейка была врыта в земляной пол и отодвинуть ее не было возможности. Онго вылез вслед за ним. На полминуты, а может, и на целую застыли стоя, обнимаясь, в поцелуе. Потом Мери шагнул, на ощупь отдернул занавеску:

– Иди сюда, Онго...

Но Онго не успел.

Рвануло – где-то рядом. В расположении линии. Сразу же второй разрыв – чуть дальше, но тоже – по ним. Мины, калибра пяти пальцев, судя по звуку.

И дробь автоматов и – чуть более гулко – ручников. И совсем близко привычный вой улкасов: "Храни, Создавший! Храни, Создавший! Смерть искажителям!"

– К бою!

Это выкрикнул Мери уже другим, своим зычным, командным голосом, на ходу натягивая куртку, с автоматом в руке в два прыжка выскочив из землянки наверх.

Онго нашарил свой автомат, схватил, куртку надеть не успел, вслед за командиром оказался на поверхности. Во тьме солдаты разбегались, занимая позиции. Онго на миг задержался: не бежать же к своему расчету полуголым. Натянул куртку. Снова рвануло поблизости.

– Я к себе, командир?

– Онго, – проговорил Мери как-то необычно, словно бы удивился чему-то, и как бы ослабев сразу. – Ко мне, Онго...

Онго подскочил к нему – вовремя, чтобы принять на руки бессильно опускающееся наземь тело квадрат-воина Мери.

– Ты ранен, командир?

Хриплый ответ едва пробился сквозь треск перестрелки:

– Похоже... я выжил. Онго...

– Я сейчас санитар...

– Отставить. Ни к чему. На вот... держи... Онго не сразу понял, что совал ему в ладонь капитан: зеленую коробочку команд ника-усилителя, пользуясь которым, можно было голо-

сом отдавать команды сразу всему тригу: такой же аппаратик, по сути – род высокочастотного радиотелефона, имелся не только у каждого линейного, но и у любого солдата на передовой и считался столь же обязательным, как и личное оружие. Так что из любой точки можно было отдавать команды и каждой линии, и даже при надобности каждому солдату и также получать доклады – если, конечно, пуля или осколок не отстригли привинченный к воротнику куртки микрофон; что до динамика, то он помещался в шлеме. На этой частоте сигнал ясно слышался и за дюжины размахов. На большее у солдатских аппаратов не хватало мощности – да и не нужно было, зато по командирскому – по тому, который сейчас протягивал квадрат-воин Мери, – можно было уверенно связываться и со старшими начальниками: с квадратом, а то и со штабом ромба.

– Командуй, Онго... не теряй времени!

Голос капитана был уже едва слышен. Остаться с ним, перевязать хотя бы, убедиться в том, что Мери будет жить! Но именно этого капитан ему и не простит.

Онго понял. Он здесь был единственным; старший подофицер трига с обоими связными находился сейчас в последней, задней траншее, Мери с умыслом услал их туда с каким-то приказанием, а на деле – чтобы им не мешали остаться вдвоем.

Теперь подофицер когда еще доберется сюда – если жив-здоров, конечно, – а счет идет на секунды...

Перехитрили чертовы улкасы. Никогда не возвращались сразу же на то место, где им дали отлуп – и вот, надо же...

И командира ранили! А может, и...

Онго почувствовал, как к самому горлу подступает холодная ненависть.

Именно холодная. Ледяная. Позволяющая не путаться в мыслях, а наоборот – выстраивающая их в нужном порядке.

– Триг, слушай мою команду!.. Санитар – на КП, оказать помощь раненому!.. Подофицер Сина, прикройте тыл – возможен заход улков (так для краткости именовался противник в войсках). Первая и третья линии...

Рассудок работал быстро, как никогда. Как смогли вернуться улкасы – миновав разведку, обойдя дозоры? Не правдоподобно. Хоть в одном месте, но их заметили бы и подняли тревогу – одного выстрела оказалось бы достаточно. Но выстрела не прозвучало... А ведь службу в этом триге несли исправно. Где ответ?

"Вернее всего, – мелькнуло у него в голове, – они и не уходили вовсе, вот в чем разгадка. По вчерашнему бою можно было предположить, что на этом участке действует компактная подвижная группа, численностью, пожалуй, лишь немного превышавшая триг. Без технической поддержки: вчера огонь велся только из такого оружия, какое можно переносить с собой, не считая личного – легкие пулеметы и такие же минометы. То же самое работает с их стороны и сейчас.

Пожалуй, никакого подкрепления они не получили. Почему же они не ушли, как обычно, а остались? Трех-четырем десяткам людей в густом лесу затаиться нетрудно, если даже у них не подготовлено никаких схронов, разведка тоже не всеведуща, и даже самые современные приборы могут давать сбои – они реагируют и на кабана, и на лань, и на волка точно так же, как на человека: теплокровные, и сопоставимы по массе и размерам. Раз кабан, два кабан, три, на четвертый раз разведчик уже не бросится проверять – и пропустит человека. Особенно если люди держатся близ какой-то стаи или стада: тогда для прибора они и вовсе неотличимы одни от других. А иного способа обнаружить противника ночью в лесу, кроме приборного, просто нет. В особенности учитывая, что противник среди дикой природы чувствует себя куда лучше, свободнее и комфортнее, чем расслабленные цивилизацией свирь..."

Все это быстро проскальзывало в голове, в то время как глаза, тело и голос занимались своими делами: ноги несли Онго, но не к своей линии, третьей, а ко второй, которая ближе

всего к лесу располагалась и которой потому сейчас приходилось труднее всего; к командному же пункту, откуда он сейчас и бежал, вторая линия была как раз ближе остальных.

– Третья и первая линии, вести огонь, не контратаковать. Тяжелым пулеметам готовиться к ведению огня в автоматическом режиме!..

В ответ доносились отрывочные: "Первая, принял, выполняю. Третья, вас понял, выполняю". Подофицер Сина отозвался последним: "Перешли на тыловые секторы обстрела, пока тихо". Ни один из старших по званиям и должностям не выразил сомнения в праве Онго командовать. "Вернее всего, потому, – подумалось солдату, – что по инерции считают, что командует еще Мери". Акустика крохотных динамиков оставляла желать много-много лучшего, а к тому же и голоса у Мери и Онго были одного тембра, и не случайно: по этому признаку безошибочно угадывались оборотни даже и с большим мужским стажем. Наверное, на это и рассчитывал Онго, когда, вызывая санитаря, не сказал, что именно квадрат-воин ранен. Кстати...

– Санитар! Вызываю санитаря! Как раненый? Донеслось в ответ сквозь сухой треск выстрелов:

– Не могу пробиться – вышел на улков, веду бой...

"Значит, судьба такая, – отрешенно подумал Онго на бегу. – Не написано нам с Мери на роду быть вместе..."

Мысль мелькнула и пропала, вытесненная другими, куда более важными сейчас не только для него одного.

Командира рядом не было. Не было здесь, а может, и вообще... Но если даже он погиб – значило ли это, что его мысли должны уйти вместе с ним? Мысли опытного военного, понимавшего обстановку лучше, наверное, чем кто угодно другой. И не было ли в том, что он высказал эти мысли в разговоре с Онго тогда, когда вроде бы совершенно не было для них места, не крылся ли в этом какой-то более глубокий смысл, чем просто случайность? Не было ли тут некоей предначер-танности свыше?

Судя по силе огня, улки действовали все теми же силами – нащупывали слабое место. Однако обычный порядок – дважды в одно место не ударять – ими нарушен. Напали, не получив подкрепления? Это означает, что позади них никого нет – во всяком случае, вблизи. На что они рассчитывают? На то, что нас еще меньше числом и на этот раз им, может, удастся пробиться на желанный простор.

Вероятно, такая задача поставлена не только перед ними, и туда, где удастся опрокинуть нашу оборону, сразу начнет стягиваться большая масса улкасов. Они рассчитывают, что в этой обстановке мы можем лишь обороняться и отбивать. Но ведь и за ними никого нет, за ними тоже оперативный простор, пусть и не такой удобный, как наша равнина. Однако и предгорья дают возможность порезвиться! А что, если...

Мысль сразу же преобразовалась в слова:

– Передаю приказ командира всем линиям: тяжелые пулеметы оставить на позициях, включить автоматику на короткие очереди с рассеиванием по фронту не более двенадцати углов, ленты нарастить до предела. Всем, включая пулеметные расчеты, приготовиться к движению в походных колоннах. Сосредоточение – в расположении первой. Двигаться будем вперед. Буду у вас через... три минуты.

Сина, со всем резервом немедленно перемещайтесь в передние траншеи всех трех линий – по три-четыре человека. Ведите огонь, изображайте активность!

Судя по голосам, командиры недоумевали, но их дело было выполнять.

Вот именно так. Не отгонять огнем улкасов, но обойти. И вовсе не для того, чтобы ударить по ним с тыла: в ночном лесу такая атака захлебнется сразу же, тем более что какое-то количество "дятлов" – ну, человека три, самое малое, судя по предыдущим схваткам, уцелело. Едва забрезжит заря, они станут с легкостью отличать человека от зверя и своего от чужого, а меткости им всегда хватало. Нет, пусть ведут перестрелку до света. А мы у них за спиной в это

время – ведь именно этого хотел командир Мерио – продвинемся в глубь предгорья; полоса его тут достаточно узка; и, если повезет, – а должно же ведь повезти в конце концов! – за несколько часов форсированного марша выйдем наконец к тому неведомому месту, откуда они спустились на этот раз, пренебрегая обычными ущельями. И не только спустились, но еще и станут наверняка спускаться. А новые проходы нужны не только им, но и нам – чтобы ворваться наконец в горы и показать, что мы и там сумеем воевать ничуть не хуже, чем коренные тамошние воины...

Мыслей этих хватило Онго ровно на те самые три минуты, что требовались, чтобы добраться до расположения первой линии. Он миновал траншею второй, куда еще не успели подойти люди из тыловой траншеи с подофицером Синой во главе; сейчас тут было безлюдно, и только оставшийся в одиночестве тяжелый пулемет каждые пятнадцать секунд оживал, пробужденный автострелком – небольшой коробкой, винтами прикрепленной к телу орудия, – поворачивался на три-четыре уголка, которых, как известно, четыреста тридцать два в окружности, выпускал три, четыре, пять патронов в направлении леса и вновь замирал на очередные секунды. Все было выполнено так, как он и приказывал, подчинившись неизвестно откуда вдруг взявшимся мыслям. Может, капитан каким-то образом передал ему свое умение? Но об этом думать было некогда.

К стоявшим поодаль линейным он подошел быстро. И не дал им времени ни задать вопросы, ни даже удивиться по-настоящему:

– Квадрат-воин Мерио тяжело ранен. Командование тригом он передал мне.

Вопросы есть?

Конечно, они нашлись бы. Но с таким напором и решительностью это было сказано, что в первую секунду никто не выговорил ни слова. А Онго и не ждал, пока они заговорят.

– Задача: в бой с группой противника больше не ввязываемся, это будет выполнять Сина с людьми из тыловой траншеи. Мы делаем бросок, обходя их, выходим на предгорье и по следам группы продвигаемся к месту их схода с гор.

Задача: перекрыть их выход. Выступаем через пять минут. Проверьте готовность линий к переходу. Все. Выполняйте.

То ли никому из линейных и не очень хотелось брать на себя ответственность за действия всего трига в не очень вразумительной обстановке, то ли подействовала уверенность солдата – но никто не возразил; ответив, как надлежало, отсалютовали и направились к своим людям. Онго же, оставшись на месте, переключил командник капитана на другую частоту – для связи с квадратом.

Послал сигнал вызова командира. Услышал в ответ:

– Старший флаг-воин Зено слушает.

– Докладывает исполняющий обязанности командира трига-два, рядовой первого разряда Онго.

– Почему Онго? Что там у вас? Где квадрат-воин Мерио?

– Командир Мерио тяжело ранен и передал командование мне. Обстановка: противник против обыкновения, после того как вчера был отбит, не отошел, а ночью возобновил наступление. Перед нами группа численностью до трига. Я принял решение: оставив для обороны неполную линию, с основным составом двинуться в обход противника, чтобы выйти к месту их схода, – поведение противника указывает, что место это находится поблизости. В случае успеха прошу поддержать для его развития более значительными силами.

Самым вероятным было, что его сейчас пошлют куда подальше и прикажут передать командование кому-нибудь другому. Но получилось не так: видно, и командир квадрата понял уже, что война – такая, какая велась до сих пор, – затянется надолго, а успехов скорее всего не принесет. Поэтому после короткой паузы (наверное, глядел на карту, прикидывая) старший флаг-воин сказал как-то очень буднично, без восторга, но и без осуждения:

– С решением согласен. Вашу позицию займет первый триг – сейчас дам команду, у них как раз тихо. И немедленно доложу в ромб. Жду вашей связи через Каждые пятнадцать минут. Вопросы?

– Никак нет. Разрешите выполнять?

– Выполняйте. Командир жив? Помощь оказали?

– Послансанитар. Других возможностей нет.

Онго услышал вздох; надо думать, старший флаг хорошо представлял себе обстановку.

– Желаю удачи. Вернетесь – встретимся лично. "Если вернетесь" – так это следовало понимать. Вероятнее было, что не вернется. Но сейчас это не казалось таким уж важным.

Онго обернулся. Линии уже стояли в строю – в колонну по три.

– Разведчики – в боевой дозор, – скомандовал он. – Триг, за мной шагом марш!

И двинулись – бесшумно, без стука и звяка, – именно так, как и следовало сейчас продвигаться.

Справа застучали автоматы: люди подофицера Сины вошли в траншею второй линии и вступили в слепую перестрелку – чтобы улкасы, не дай Творец, ничего не заподозрили и позволили тригу уйти подальше по их, улков, свежим следам.

На командном пункте старший флаг Зено сразу же начал отдавать необходимые приказания. Он отвлекся только на несколько секунд, чтобы ответить инспектору ОСС по этому квадрату на вопрос: "А стоит ли идти на такой риск?"

– Воевать вообще не стоит, – буркнул Зено, не оборачиваясь. – Но уж коли приходится – постараемся наконец делать это с толком!

Инспектор ОСС лишь пожал плечами. И направился в свое укрытие – скорее всего, чтобы информировать кого следует по своей линии. В этом, собственно, и заключалась его служба.

В комплексе больших и малых зданий на северной окраине Сурганы сообщение, переданное инспектором ОСС, было принято главой могущественного учреждения с раздражением и даже с некоторой растерянностью. Потому, наверное, что такого поворота событий тут никто не ожидал.

Первой мыслью, какая возникла у начальника ОСС, было: запретить! Так как неожиданный демарш каких-то там мелких вояк грозил помешать стройному развитию давно составленного и до сих пор исправно выполнявшегося плана военных действий. Запретить! И наказать за несвоевременное, совершенно излишнее проявление инициативы.

Однако он тут же опомнился. Понял, что отменить действия, о которых ему только что сообщили, просто не в его власти: войска ему не подчинялись. Чтобы добиться такого результата, следовало обратиться к военному командованию; однако отношения между ОСС и военными издавна были весьма натянутыми, так что его просьба была бы встречена с большим подозрением, последовал бы доклад на самый верх – самому Вершителю, а его отношение к ОСС так и оставалось для веркома Гумо не вполне ясным: вроде бы Вершитель его уважал, но не было той сердечности в их общении, к какому Гумо привык при бывшем Вершителе, ныне покойном. Похоже, что Мору слишком внимательно прислушивался к мнениям веркома Сидо с его волхвами и прочим сбродом; так что рисковать никак не следовало.

Нет, этот вариант не годился. В нем преобладали эмоции, а любая хорошая операция должна основываться прежде всего на разумной логике. Можно было бы, конечно, проаргументировать свою просьбу о запрете тем, что эта внезапная операция не входила в план, разработанный ГПК – Главным Правительствующим Компьютером. Но Гумо уже понимал, что ему на это ответят: а мы введем ее туда, и дело с концом, не надо быть рабом правил – вот что ему ответят, и то же самое ответил бы он сам другому – если бы...

Вот именно: если бы.

Ну что же, безвыходных положений не бывает. Надо только...

Он потратил еще с полчаса на то, чтобы продумать, – какие именно меры нужно принять, чтобы предотвратить нежелательные последствия происходящего на клине Ком Сот и в какой последовательности их принимать. Потом вызвал начальника службы связи.

– Мне нужен прямой канал с Двойкой. Немедленно. Офицер покачал головой:

– В ближайшие часы невозможно, верком.

– Что еще за новости?

– Магнитная буря. Волна не проходит.

– Арук вас побери!.. Ладно, идите. По защищенному проводу он соединился с командой ГПК.

– Профессор Мало? Приветствую, Гумо.

– Слушаю вас, верком.

– Считаю необходимым ввести в военный макрос следующую информацию...

Профессор выслушал веркома Гумо, не перебивая. И только когда директор ОСС голосом поставил последнюю точку, руководитель Службы ГПК ответил:

– К сожалению, вынужден вам отказать.

– Это еще почему?!

– М-м... Десятью минутами раньше Вершитель Мору запретил какие-либо действия с той информацией, о которой вы говорите. В том числе...

– Но послушайте!..

– В том числе и введение ее в компьютер. Как вы знаете, отменить распоряжение Вершителя вправе только он сам. Если вы обратитесь к нему...

– Благодарю за совет! – рыкнул Гумо и швырнул трубку. Он знал, что обращаться к Мору не станет.

Он посидел несколько минут, массируя пальцами виски, понемногу успокаиваясь.

Оставались ведь еще и другие пути.

Раз там, на клине, наметился какой-то успех, значит, туда неизбежно захотят послать подкрепление. Ну, что же, проявим похвальную заинтересованность в успехе: предложим для подкрепления своих ребят, бойцов с прекрасной репутацией и выучкой.

Он нажал клавишу, вызывая адъютанта, которому сказал спокойно:

– Начальника службы десантирования немедленно ко мне. И никого даже близко не подпускайте, пока мы не закончим работать. Все. Выполняйте.

Тригу под самозванным командованием Онго все же удалось – вопреки всякой логике, казалось бы, – пройти по следам группы улкасов до того самого места, где едва намеченная тропа прерывалась, уткнувшись в каменную кручу, непреодолимую и непроницаемую. Если только улкасы не обладали способностью проходить сквозь скалы, то здесь выйти они никак не могли, да и вернуться обратно тоже. Каким же тогда образом?.. Ответа пока не было.

Разведчики-следопыты, разделившись на две группы, направились вдоль кряжа в обе стороны; каждая тройка должна была пройти по выстрелу с лишним, чтобы обнаружить следы улкасов (и сразу станет ясно, куда двигаться дальше) или не обнаружить ничего – и тогда придется признать, что люди вдоль скал не проходили.

Конечно, каждый свир в детстве читал и слышал немало сказок и легенд о волшебниках и магах, обитавших на самых высоких и неприступных вершинах Горной страны; те обладали способностями запросто проходить сквозь утесы, а то и просто поднимать их или отодвигать в сторону с той же легкостью, с какой человек отбрасывает с пути повернувшийся камешек. Но сказки благополучно остались в прошлом, а тут, в суровом и опасном настоящем, приходилось считаться лишь с реальностью – в ней же весь многовековой опыт ничего подобного не знал.

Скалы можно было при крайней надобности поднять на воздух при помощи взрывчатки, случалось также при большой затрате времени и сил пробивать в них туннели – но в нынешней обстановке это никак не годилось. И не только потому, что взрывчатки в таком количестве

в триге не было, он являлся стрелковым подразделением, а вовсе не саперным, – но еще и по той причине, что таким образом триг обнаружил бы свое присутствие там, где его вовсе не ждали. Это в свою очередь привело бы к необходимости вести неравный бой тут, где и окопаться по-настоящему было почти невозможно (предгорье есть предгорье, и камни растут здесь в изобилии, как сут на полях Свиры, а вот мягкую землю порой приходится притаскивать издалека), зато весьма вероятным становилось вызвать на себя огонь сверху, причем стрелки противника оставались бы, по сути дела, неуязвимыми, зато каждый солдат трига оказался бы совершенно незащищенным; а что улкасы стрелять умели, было известно давно и каждому.

В том же, что тут, где-то совсем рядом – если не на вершине кряжа, то на обратном его склоне во всяком случае – как раз и располагался противник, причем в немалом количестве, Онго был более чем уверен: он всем существом своим ощущал улкасов вблизи, на расстоянии самое большее двух-трех дюжин двушагов – такая способность выработалась у него, как и у некоторых других солдат, за время, проведенное здесь, на клине.

Выбор решения был крайне невелик.. Можно было или отойти назад, пока еще тьма позволяла, или быстро, сразу отыскать какое-то продолжение начатой игры. Думать надо было очень быстро, никак не более минуты. И Онго попытался напрячь до предела все свои способности, чтобы найти решение, ведущее к выигрышу.

Вот когда он по-настоящему пожалел, что нет рядом с ним командира Мери с его военным опытом: квадрат-воин-то уж наверняка нашел бы сейчас необычное решение, закинул бы такую удочку, на которую затаившийся пока противник обязательно клюнул. Ах, квадрат-воин Мери! Но его не было, и оставалось лишь представить себя не солдатом, сгоряча взявшимся за выполнение непосильной задачи, а вот именно командиром, которому в военной его жизни, конечно же, приходилось решать и головоломки куда более сложные. Представить себя командиром, вызвать в себе его уверенность и умение. "Мы хитрее и авантюрные", – так, помнится, говорил он о них, обертышах. Какая же хитрость могла пригодиться сейчас?

Онго начал рассуждать методически, шаг за шагом, этап за этапом. В чем заключалась нынешняя задача трига, для решения которой он оказался здесь? Найти путь, каким улкасы тут, в совершенно неприспособленном, казалось бы, месте быстро сходят с гор. Заставить противника – того, что был не виден, но все же находился вблизи, – воспользоваться неизвестным сходом еще раз и таким образом раскрыть его секрет. Однако способ для этого был только один: обнаружить себя, использовать весь свой триг в качестве живца, чтобы клюнула крупная рыба. Но тогда в ближайшие полчаса триг будет уничтожен без всякой пользы: пока какие-то силы свиров подойдут сюда, улкасы вновь уберутся восвояси, не оставив, разумеется, и намека на то, каким путем они оказались у подножья скалы и каким вернулись обратно. А что-то надо делать немедленно: как только рассветет, никакое чудо и никакой маг не укроют триг. Может, хоть разведчики принесут какую-то новую, полезную информацию? Они должны вернуться уже через минуту-другую: им дан точный расчет времени.

Онго вновь настроил командник на волну квадрата. Лег на землю лицом вниз, прикрыл аппаратик ладонями, чтобы звук не разносился далеко:

– Второй триг, Онго – командиру квадрата. Похоже, этой связи ждали: ответили мгновенно.

– Старший флаг-воин Зено.

– Докладываю: вышли к предполагаемому месту схода улков. Следы обрываются без продолжения. Сход пока не обнаружен.

– Ваши намерения?

– Провести демонстрацию. Но без сил поддержки она не даст результата.

Сейчас внезапность еще за нами. Но с рассветом...

– Понял. Предложения?

– Поддержит ли нас ромб?

– Ромб одобряет операцию и готов оказать помощь. Мало того, получено усиление по команде из Сурганы! Десантники, аграторы...

– В таком случае...

Онго изложил свой план, только что у него возникший, минуты за полторы – потому что старший флаг-воин Зено понимал с полуслова: был воякой, нюхавшим порох давно и помногу.

– Немедленно доложу. Ждите моего сообщения.

– Флаг-воин, у меня садится питание...

– Постарайтесь, чтобы хватило хотя бы для следующего обмена.

Онго мысленно ухмыльнулся. "Постарайтесь"! Все-таки начальство остается начальством. Вслух же ответил:

– Слушаюсь – постараться...

И отключился. Тут же как бы из ничего возник старший разведчиков, Мори, уходивший искать следы вправо. Доложил:

– Ничего. Ни следочка. Ни единый камушек не сдвинут.

Ну, это понятно: перед вечером шел дождь, камни, верхний их слой, успели с тех пор обсохнуть, нижняя же поверхность и все камни, лежавшие глубже, еще сохраняли влагу. Если бы кто-то прошел – вуцан хотя бы, – следопыт заметил бы это сразу.

– Ясно. Вопрос: сколько ваших разведчиков говорят по-улкасски?

Необязательно на местном наречии, но свободно.

Язык в Горной стране был один, но за долгие времена родовой изоляции успел разбиться на множество рукавов; понимать друг друга улкасы однако же понимали. А разведчики свиров набирались из людей, родившихся и выросших в свирской части предгорий; общаясь с улкасами на протяжении мирных десятилетий, многие из них – большая часть – языком соседей; владела свободно.

– Так точно, есть. Я болтаю на северном, еще двое знают юго-западный говор.

– Прекрасно. Тогда ходите за первым линейным – ему тоже придется участвовать.

Линейный пришел через минуту. Не сразу, словно колеблясь, но доложил о прибытии, как полагалось по уставу: командир есть командир, пусть и в звании рядового, ничего не поде-лаешь.

– Обстановку вы понимаете, – начал Онго. – Предстоит сделать вот что...

Тут пришлось затратить куда больше слов, чем при разговоре с Зено; правда, питание при этом не расходовалось – так что можно было себе позволить объяснять в подробностях и даже отвечать на вопросы. Кажется, смог ответить на все.

– Разведке задача ясна?

– Все в порядке, – сказал разведчик с той мерой вольности, которая присуща всем полевым разведчикам вообще. – Это мы сделаем.

– Линейный, вам все ясно?

– Так точно. Особенно ничего.

– Только смотрите, чтобы никто не увлекся сверх меры. Не то еще, чего доброго, начнете лупить по своим...

– Ну, мы уж не вовсе дураки.

– На это и надеюсь.

– Когда начало? Онго ответил:

– Это узнаем через... минуты через две. Но старший флаг Зено вышел на связь уже через минуту. Видно, там, наверху, тоже понимали, что можно выиграть, если операция удастся. Зено спросил:

– У вас?

– Все готово. Ждем команды.

– Сравним часы. На ваших? На моих – три-четыренадцать.

– Три-тринадцать.

– Переведите. И начинайте ровно в три-тридцать. Дополнительных команд не ждите. Три-тридцать. Поняли?

– Так точно, все ясно.

– У меня все.

Онго повернулся к своим:

– Начинайте выдвигаться. Через пятнадцать минут дам команду.

– Командир, – сказал разведчик. – Лучше мы отойдем подальше и начнем пораньше – для правдоподобности.

Онго подумал секунду.

– Да, отойдите на выстрел подальше. Но начинайте точно, как сказано. И возьмите патронов побольше – чтобы шум был.

– Есть – начинать-точно, как сказано!...И точно через пятнадцать минут в некотором отдалении от каменной стены возникла перестрелка.

Сначала она была еле слышна, но становилась все громче и громче; видимо, противоборствующие понемногу приближались. Судя по силе огня, бой шел между двумя небольшими группами, одна из которых отходила все ближе к скалам, вторая же теснила ее все сильнее. Отходивших оставалось совсем мало; так можно было заключить, когда стали слышны не только звуки выстрелов, но в густой темноте оказались заметными яркие линии трассеров. А когда подошли еще ближе, можно было отчетливо расслышать и выкрики, звучавшие с обеих сторон. Со стороны отступающих кричали преимущественно на улкасе, реже – на очень ломаном свирском, преследовавшие же использовали исключительно свирский:

– Сдавайтесь, дикари, или перебьем вас всех во имя прогресса! Вы, бесхвостые горные вуцаны, мы вам навсегда рога обломаем!.. На что в ответ следовало:

– Смерть вам, нарушители творения, сейчас вам придет конец, Создатель за нас! Смерть искажителям истины!..

Этот шум, смесь автоматных очередей и яростных возгласов, все приближался к скалам. Камни, однако оставались равнодушными к людским страстям, сохраняя свою исконную неподвижность.

Затаившийся вместе со своими людьми, прижавшимися к горам, Онго все с большей тревогой поглядывал на часы. Сколько еще может продолжиться это представление? Что же они так быстро отступают, надо было бы помедленнее, еще потянуть время, потянуть, пока не подойдет подкрепление, обещанное флаг-воином Зено... Пошла уже шестнадцатая минута назначенного срока, а ни противник никак не отозвался, ни подкрепления не слышно... Что, замысел не оправдался?

Не утерпев, он попытался вызвать на связь квадрат; но ничего из этой попытки не получилось: питание окончательно село.

Однако уже на семнадцатой минуте возникли изменения – неожиданные, не те, которых с таким нетерпением ждал Онго.

В той же стороне, откуда пришел триг, а сейчас все ближе подходила перестрелка, – в той же самой стороне, хотя и значительно дальше, возникло новое движение, и тоже в сопровождении выстрелов. Похоже, повторялось то, что уже было только что разыграно: кто-то отходил, огрызаясь огнем, другой кто-то преследовал отступающих. Пьеса та же, действие второе. Только теперь, судя по плотности огня, и тех и других было больше. Секунды потребовались Онго, чтобы понять суть происходящего. Произойти могло лишь одно: командир первого трига, сменившего Онго на позициях по приказу Зено, да еще усиленного той группой, что оставалась там под командованием подофицера, не стал вести длительной позиционной перестрелки с группой улкасов, а решил либо уничтожить их в лесу прямой атакой, либо же на худой конец заставить выйти из чащобы на открытое место, где уничтожение их становилось

вопросом времени. Похоже, первому тригу удалось то, чего не сделал – не успел сделать – второй, и Онго сейчас подумал об этом с некоторой досадой и завистью. Но тут же сообразил и другое: улкасов невозможно было бы вытеснить из леса, если бы они своим острым слухом не уловили звуков той перестрелки, что была затеяна здесь по замыслу Онго. Только услышав стрельбу именно в этом направлении и предположив, наверное, что какое-то дело заваривается рядом с местом схода с гор, – лесная группа решила покинуть лес и отходить на соединение со своими. Первый триг стал преследовать отходящих, и получилась занятная картина: слоенный пирог, где группа улкасов оказалась между молотом и наковальней, а триг Онго – зажатым между отходящими и скалой. Но если так, то затаившиеся позади скальной гряды войска улкасов не могут не слышать, а возможно, и видеть сверху всего, что происходило на неширокой полосе предгорья, и не могут не откликнуться на это! Они всегда стремились выручать своих, об этом все знали так же хорошо, как и об их жестокости и исступленной вере в совершенство творения. Так что же они медлят, убей их Арук?!

Онго не успел еще мысленно высказать проклятие до конца, как ситуация переменялась, и произошло это вовсе не так, как представлялось Онго.

Никто не посыпался со скал; сами утесы тоже сохраняли полную неподвижность – не опускались, не поднимались и не расступались в стороны, открывая проход. Но где-то примерно в тридцати двойных шагах от того места, где сейчас находился Онго, немалый прямоугольник грунта, примерно четыре двойных на два, вместе с покрывавшим твердую землю щебнем вдруг опустился, нет, даже не опустился, но мгновенно провалился вниз. Онго увидел это ясно, да и все остальные тоже: уже брезжила заря, вершины гор светились, и какая-то часть их отраженного света падала вниз, сюда. Из открывшегося провала, в создании которого вряд ли была повинна природа, стали выскакивать люди с оружием.

Улкаские воины. Помногу сразу. Именно для быстрого, массового выхода на предгорье и был, видимо, заблаговременно пробит и, надо полагать, хорошо оборудован туннель или что это там было.

К счастью для солдат Онго, улкасы их в первые мгновения не заметили: внимание тех, кто появлялся на поверхности, было целиком обращено туда, где, все приближаясь, шел бой. Выбегавшие сразу же устремлялись в ту сторону, привычно выстраиваясь для атаки. Их было немало: не менее квадрата, да еще, пожалуй, усиленного: Онго разглядел два тяжелых пулемета. Странно, до сих пор улкасы вроде бы их на вооружении не имели...

А первый триг, сейчас атаковавший, еще ничего не знал, не видел, не слышал, потому что улкасы все свои действия выполняли в полном безмолвии, все, видимо, было отработано заранее. И триг продолжал преследовать отходящую группу. Надо было хоть как-то предупредить своих. И Онго скомандовал, отлично понимая, что подписывает смертный приговор, самому себе и всем, кого он сейчас возглавлял. Но он уже мыслил, как солдат, и чувствовал: сметя или хотя бы рассеяв первый триг, противник обеспечит себе тот самый прорыв, которого все время пытался добиться. И скорее всего, промелькнуло в голове, так и было задумано улкасами: затяжная перестрелка, потом отход – когда станет ясно, что противник готов преследовать, а затем – вступление в бой решающей силы улкасов – и прорыв. Так вот почему Мери не предпринимал ничего подобного: скорее всего, заранее просчитал улкаский замысел и прежде; чем атаковать самому, хотел как следует продумать возможные противодействия, наверняка – согласовать с начальством. Он не поддался на провокацию. А у командира первого трига хватило лихости, но не достало терпения как следует просчитать все последствия. Однако сейчас не время было искать виноватых. Сейчас...

– Триг, – это было сказано вполголоса, но настолько его командника еще хватало, и услышал каждый, – изготавиться к преследованию уходящего противника.

Вести огонь на ходу. Триг, цепью, в атаку...

Оставалось только выкрикнуть последнее слово: "вперед!". Но Онго его так и не произнес.

Две группы боевых агракоров, отличавшихся бесшумностью полета (что, впрочем, свойственно всем антигравитационным устройствам вообще), стремительно спикировали, на миг уравнились над самой землей, мягко сели: первая группа – перед фронтом наступавших улкасов, вторая – правее. И открыли огонь из своего бортового оружия, пока прилетевшие солдаты-посадочники выскакивали из машин, и сразу же, в свою очередь, начинали стрелять. Улкасы попали под кинжальный огонь и поспешно залегли, отстреливаясь; но агракоры, высадив десант, вновь поднялись и повели огонь сверху. Предупреждать первый триг больше не было надобности. И Онго подал другую команду:

– Преследование противника отставить! Задача: захватить открывшийся туннель. Войдя туда – стрелять во все, что шевелится. Бегом – марш!

И пока наверху шел яростный бой, триг Онго беспрепятственно проник в туннель. Он оказался достаточно коротким: менее сорока шагов. Охрана встретила только в конце его, где выход закрывался тяжелыми воротами и улкасы успели все-таки сомкнуть их створки, не дать свирам возможности сразу вырваться на поверхность уже по ту сторону пограничного хребта. Состояла охрана всего из четырех человек; из людей Онго лишь один получил легкое ранение. Остановились, чтобы перевести дыхание.

"Самым разумным сейчас было бы, – подумал Онго, тяжело дыша, – найти способ открыть этот внутренний выход; вручную это явно не получится, слишком уж массивна конструкция. Наверняка тут есть Механизмы. Где же они расположены, кто и откуда ими управляет?" Наверное, было бы интересно расспросить об этом четверых улкасов, но, к сожалению, сделать это невозможно: все четверо лежали у самой стены – без звука, без движения, без признаков жизни. Разведчики были мастерами метать ножи.

– Кто это у вас такой художник? – спросил Онго.

– Моя работа, – ответил ему один из разведчиков, Керо, самый молодой. – Нравится?

– Хоть бы одного оставил, для разговора...

– С этим не ко мне, – сказал паренек. – Мне с ними тесно в одном мире.

– Что ж так круто?

– Есть причина. Только сейчас не спрашивай.

– Оставайтесь здесь, – сказал Онго разведчикам, – и никого не впускайте, разве что какое-то начальство появится. А я прогуляюсь по туннелю, погляжу – что к чему. Это ведь пока только начало.

– А ты нам еще командир? – спросил все тот же Керо.

Онго всмотрелся в него повнимательнее. Длинные глаза, высокие скулы...

Похоже, в роду молодца не обошлось без улкаских генов. Но таких было много на граничащих с горами территориях.

Онго только пожал плечами.

– Будь спок, – сказал молодой. Двое постарше лишь кивнули. Опытные разведчики привыкают чаще изъясняться жестами, не сотрясая атмосферы.

Десятью минутами позже, уже в машинном отделении, Онго с изумлением качал головой: рьяные противники прогресса, улкасы тем не менее не только проложили туннель под скалой, но и оборудовали его механизмами для открытия и закрытия тяжелой крышки вместе со слоем земли и щебня, механизмами, снабженными мощными электромоторами, которые питались от портативной ядерной установки. И на кожухе этой установки была приварена фирменная пластинка широко известного в Свире концерна "Демо и Но". Не были безмянными и моторы, и сама подъемно-опускная система туннельных ворот. Кто-то не жалел, вероятно, ни сил, ни денег, снабжая исторических врагов лучшими образцами свирской техники – и не только оружейной... Вот, значит, как обстоят дела!.. Интересно, а командование, а самые

верхи – они хоть что-нибудь об этом знают? Неплохо было бы поговорить с ними, да кто же пустит туда рядового солдата?..

Было над чем подумать. Но сейчас главным показалось, чтобы неприятное открытие, явное предательство где-то наверху, не дошло до солдат: такая картина могла у любого отбить всякую охоту сражаться.

– Эй! Солдат! Ты что тут делаешь? От войны прячешься? Ко мне!

Онго обернулся. Не рывком, как невольно получилось бы у него всего лишь днем раньше; наверное, уже всерьез ощущал себя командиром, пусть и небольшим, но начальником. Поэтому на трех десантников, оказавшихся у него за спиной, он взглянул без подобострастия, напротив – с изрядной долей независимости.

Скользнул глазами по значкам на воротнике одного из них – то был подофицер, – по нашивкам на плече, свидетельствовавшим, что десант был, оказывается, не армейский, а сил ОСС – внутренних войск. Чего это их занесло сюда, на линию огня?

– Оглох? Онемел от страха? – продолжал тот, что окликнул его.

– Тебя, что ли, прикажешь пугаться?

– Ох ты! – как бы удивился подофицер. – Какой крутой!

Но всерьез ссориться Онго не хотелось.

– Ладно, ребята, – сказал он примирительно. – Давайте лучше вместе попробуем разобраться, как тут открыть внутренние ворота: наши наверняка решат сразу продолжать наступление – туда, вглубь, в горы...

Однако его призыв не получил поддержки.

– Стратег! – сказал десантник и направил на Онго автомат; другие двое сразу же повторили его движение. – Давай-ка шагом марш на выход, там и размышляй. На свежем воздухе. А здесь посторонним находиться не положено, здесь место секретное, и мы присланы его охранять. Ну? Идешь сам или тебе помочь?

Три ствола были направлены на него, а его собственный автомат находился за спиной; рано расслабился, рано... Ну, что же – пусть будет по-ихнему.

– Да иду я, иду, – проворчал он. И в самом деле направился к выходу из машинного отделения и дальше – к внешним, открытым воротам туннеля. Трое топали сзади, дыша в затылок. Поднялись наверх. Разведчики трига таким же способом, видимо, удаленные из туннеля, стояли кучкой поодаль, внимательно наблюдая за появившимися. Онго направился к ним. Десантники остались у выхода – и в самом деле, наверное, им была поручена охрана, а не арест или что-то в этом роде.

– Вот так, ребята, – неопределенно сказал им Онго. – Ладно, отдыхайте пока, свое дело мы вроде бы сделали неплохо...

Отпустив их, Онго присел на корточки, опираясь спиной о камень, и задумался не о закончившемся бое и не о своей дальнейшей воинской судьбе, а совсем о другом.

Как это он решился вдруг оставить без помощи раненого командира? Еще совсем недавно жизнь человека, тем более любимого, была бы для него в миллионы раз ценнее, чем успех какой-то там военной операции. Но, видно, с той поры военное возобладало в нем над гражданским. И мужское над женским?

Последний вопрос, заданный самому себе, заставил задуматься. Еще за секунды до этого Онго подумал о Мере как о любимом человеке; но любить людей можно, как известно, по-разному; и вот сейчас он понял, что мысли его двоятся: он, безусловно, любил квадрат-воина как человека, как опытного солдата, хорошего командира. Но иначе?.. Да, он помнил все, что происходило между ними еще так недавно – всего несколько часов тому назад, что уже было – и что еще могло случиться. Тогда – могло, да; Онго отлично понимал это. А сейчас?

Сейчас, пожалуй, уже нет?

Странно, так далеко это вдруг оказалось: командирская землянка, желание, страсть... стремление плоти. Вдруг заинтересовало другое: каким был Мери, когда еще была женщиной? Как одевался – одевалась? Какую прическу носила?

Чем душилась? Ну, и так далее... То есть возникло почему-то желание оценить Мери с мужской точки зрения – вовсе не наоборот.

А свое женское показалось таким давним, что его и не разглядеть – разве что при очень сильном увеличении. Непонятным было все это. Но интересным. Хотя что сейчас толку об этом думать?

Но о чем вообще сейчас думать? Да ни о чем. Жизнь сама осуществит все, что нужно.

Директор Про-Института... да ладно, просто – верком Сидо пробежал глазами только что принятое по своему каналу и мгновенно доставленное сообщение с пометкой "Свет", что означало совершенно немыслимую срочность. Откинулся на спинку стула. Поднял глаза на секретаря.

– Приказываю: срочно выслать группу на место событий – на клин Ком Сот.

Сверхсрочно! Там сразу же найти и доставить ко мне того, кто разработал и возглавил операцию по захвату сходного туннеля. Мне нужен этот человек или люди. Но боюсь, что он понадобится и кое-кому другому. Срочно!

Все-таки каким-то странным был этот институт: им бы заниматься сбором и анализом примет грядущего, а они проявляют такой интерес к сегодняшним делам! И получают информацию, и возглавляет его почему-то верком.

– Но, верком, вы ведь только что уже беседовали по связи со старшим флаг-воином Зено. Именно он...

– Вы ни черта не знаете. Хоть бы спросили у него перед тем, как соединять со мною. Тогда поняли бы, что его роль там весьма скромна: Зено всего лишь поддержал инициативу нижестоящего и доложил выше. Включая нас: все же наш кадр.

– Начал операцию кто-то на уровне трига, так точно. Но не станете же вы разговаривать...

– С командиром трига? Почему же это я не стану? Тем более что тригом командовал квадрат-воин. Что это, по-вашему, зазорно? Мне? Я сам начинал рядовым! Да я вас, чисто-плюев тихоньких...

– Верком, квадрат-воин Мери был убит еще до начала операции.

– Кто же? Его помощник?

– И не он. А какой-то рядовой, не кадровый, и даже, так сказать... Ну, вы понимаете: из этих... экс-дама.

– Из обертышей, что ли? Так бы и сказал. Экс-дама! Ха!

– Так точно, обертыш.

– Значит, он мне и нужен. И надеюсь, что нас никто не опередил: тогда вам самому пришлось бы ехать за ним! Время пошло. Я жду. Ты что – еще здесь?!

Директор Про-Института бывал крутенок – не в Высоком Совете, разумеется.

– Слать аналитическую группу, верком?

– К чему? Группу защиты!

– Слушаюсь.

* * *

А дела шли своим чередом. Первый триг, едва не уничтоженный, сразу же отправился обратно, чтобы занять позиции, с которых поднялся в атаку.

Постепенно стали подходить и десантники: улкасы были большей частью уничтожены, расстреляны с земли и воздуха, кто-то, наверное, уцелел, но благоразумно не стал возвращаться к сходному туннелю; преследовать немногих убежавших десантники не стали.

Но для второго трига на этом, собственно, эпизод закончился. Онго не понимал, кем же он сейчас является: по-прежнему командиром трига, пусть и временным, или снова рядовым

первого разряда, вторым номером при тяжелом пулемете (которого здесь и не было вовсе – он так и остался на той позиции близ леса). Кажется, такая же неясность была и у тех, кто еще совсем недавно беспрекословно выполнял его команды: сейчас к Онго никто не подходил, ни о чем не спрашивал, как-то само собой получилось, что все солдаты сгруппировались по своим линиям, он же медлил идти в свою, вторую, и остался в одиночестве, расслабляясь и стараясь не думать о будущем: в конце концов это армия, что прикажут, то и надо будет делать, а чего не прикажут – не надо. Только вот кто прикажет? Линейный-два, только что находившийся у Онго в подчинении? Наверное, формально он мог; но, видимо, понимал, что здесь и сейчас неуместно это было: что бы там ни было, однако заурядным солдатом Онго не станет уже никогда.

Прикажут старшие начальники, хотя бы командир квадрата, старший флаг-воин Зено? Но его тут не было, операцию осуществляли десантники-оссовцы, а не стрелки.

Командиру же десантников скорее всего об Онго вообще ничего не было известно, и не было причины выделять его из массы солдат с точно такими же гладкими – без единого значка – воротниками форменных курток.

Но жизнь принялась расставлять все по местам очень скоро.

Наконец появились свои же, из второго трига, – те, кто не участвовал в атаке, с подофицером Сина во главе. Он сразу же отыскал Онго.

– Принимаю командование тригом, – сказал он официально. – Ты ступай на свое место – в линию.

У Онго не было желания оспаривать действия Сина; к тому же по форме он был целиком прав: имел звание и занимал должность помощника командира трига.

Онго ответил лишь:

– Давай, команду!

И отвернулся, не собираясь возвращаться в расчет – во всяком случае, сейчас. А подофицер все же не решился повторить свое приказание: понимал, что сейчас для любого солдата Онго человек, куда более авторитетный, несмотря на скромный чин. Сина лишь громко откашлялся, подкрутил длинные усы и отошел – неторопливо, с достоинством. Онго даже не посмотрел ему вслед.

Онго сидел, не двигаясь, не сделав даже попытки узнать у вновь прибывших хоть что-то о судьбе Мера: ясно было, что ничего никто из них не знает – их там и близко не было, прилетели они совсем из другого места. А кроме того, интуитивно чувствовалось, что командир не выжил. Санитар не добрался или же поспел слишком поздно, а скорее всего – ни тот невысокого ранга медик, ни любой другой помочь командиру уже не мог, и недаром обреченность читалась в его глазах и слышалась в голосе, когда он передавал Онго командник, а вместе с аппаратиком и всю свою небольшую власть: опытный солдат чувствует, когда он ранен, а когда убит, пусть и не напавал; пусть еще дышит и даже может что-то сказать, но – уже убит. Сейчас другие мысли занимали солдата-командира: может, все-таки надо было остаться, хотя бы перевязать, дождаться санитара? Но тогда не было бы ничего: ни броска в предгорье, ни боя, ни захвата сходного пути...

Ну, что было – не вернуть. А что еще будет?

– Кто занимает туннель, а главное, все его службы? Силовую установку, машинное отделение, ну – вы понимаете.

– Только наши люди, верком.

– А те, кто начал операцию? Неужели никто не уцелел?

("Творец, это было бы прекрасно, просто прекрасно!") – Первыми в туннель вошли солдаты пехотного подразделения.

("Да, полного счастья не бывает. Но подождем, подождем...") – Установить и изъять немедленно всех, кто был внутри. Доставить сюда.

Не должно быть ни малейшей утечки... Только не вздумайте использовать какую-нибудь из строевых машин. Подберите что-нибудь из дорабатывающих ресурсов.

Чтобы нас не упрекнули в не правильном использовании боевой техники.

– Слушаюсь, верком.

– Хотя... подождите. Нет. Мне сейчас необходимо срочно выехать – возможно, на несколько дней. Вот вам код для связи, но это только при крайней надобности. Меня не будет – значит, и нечего тащить их сюда. Передайте моим шифром – кто у нас там: триг-воин Раго? "Всех подозреваемых в нарушении Закона о Секретности арестовать и держать под стражей вплоть до дальнейших распоряжений". Вот все. Выполняйте.

– Слушаюсь!

Верком Гумо и в самом деле спешил: дело было срочным и для него лично чрезвычайно важным.

Ждать Онго пришлось, впрочем, недолго.

...Десантный подофицер торопливо переходил от одной группы солдат к другой, о чем-то спрашивая, и, получив, наконец, нужный ответ, оглядевшись в последний раз, направился прямо к Онго.

Онго встал: как-никак к нему приближался старший в звании.

– Рядовой первого разряда Онго? Пойдемте. Оружие сдайте мне.

Вот, значит, как. Нажаловались те, что были в туннеле? Или что-то другое? Могут обвинить, чего доброго, и в том, что незаконно командовал тригом, и еще в чем-нибудь. Но спрашивать "куда" и "зачем" у старшего не положено, а тем более – "почему"; да сейчас это было все равно. Любое продолжение казалось Онго лучше пустого ожидания. Ведут его не в его линию – значит, продолжение будет интереснее, чем начало. Или нет?

– Руки за спину! Не оглядываться!

Действительно, интересно. Это уже – арест, а не просто приглашение. А, пошли бы они все к...

Онго почувствовал, что усталость овладевает им. Только сейчас он начал понимать, в каком напряжении находился все последние часы – с самого вызова к капитану Меро. Да и то сказать – были для того причины. Все пришлось делать впервые: командовать, атаковать, нести ответственность за многих, терять человека – как бы там ни было, дорогого человека. Сейчас бы отдохнуть по-настоящему. Расслабиться. Что-то забыть. О чем-то, возможно, вспомнить...

Или о ком? О Сури, может быть? Единственном человеке, с которым ему – тогда еще ей – удалось испытать радость физической любви? Теперь, когда Меро больше нет, он оставался, по сути, единственным, о ком еще можно было думать и тосковать...

Кроме родителей, конечно; но родители как бы за-капсулировались в сознании Онго, надежно защитились от прикосновения к ним, потому что каждое такое касание их в памяти вызывало ощущение боли: он ничем не мог помочь им, знал, что его превращение их огорчило, они любили дочь, а сына, каким он теперь стал, ни разу даже не видели, и если и любили, то какой-то самими созданный образ. Нет, лучше отложить общение с родителями, даже мысленное, до времени, когда удастся встретиться с ними – если, конечно, такое время наступит. Война только еще набирала обороты...

– ...Стоять!

Он покорно остановился – около агралета, но не из тех, что привезли десантников и участвовали в бою. Другого. Не агракора, а просто агралета. Дверца была отворена.

– Поднимайся!

– Онго Ру, рядовой второго разряда?

– Никак нет, первого разряда.

– Вот как? Быстро. А до нас еще не дошло. В кабине служебного агралета Секретной Службы Свиры Онго сидел перед прикрепленным к борту столиком, по другую сторону кото-

рого находился офицер со значками триг-воина ОСС на воротнике. Онго мельком подумал, что у него-то сиденье, надо полагать, мягкое.

Ну, офицер есть офицер, все правильно.

– Прежде чем вас отправят дальше, я хотел бы задать вам несколько вопросов и рассчитываю получить исчерпывающие ответы. Но сначала вы сами, может, хотите спросить о чем-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.